

88555
p~~er~~ta9

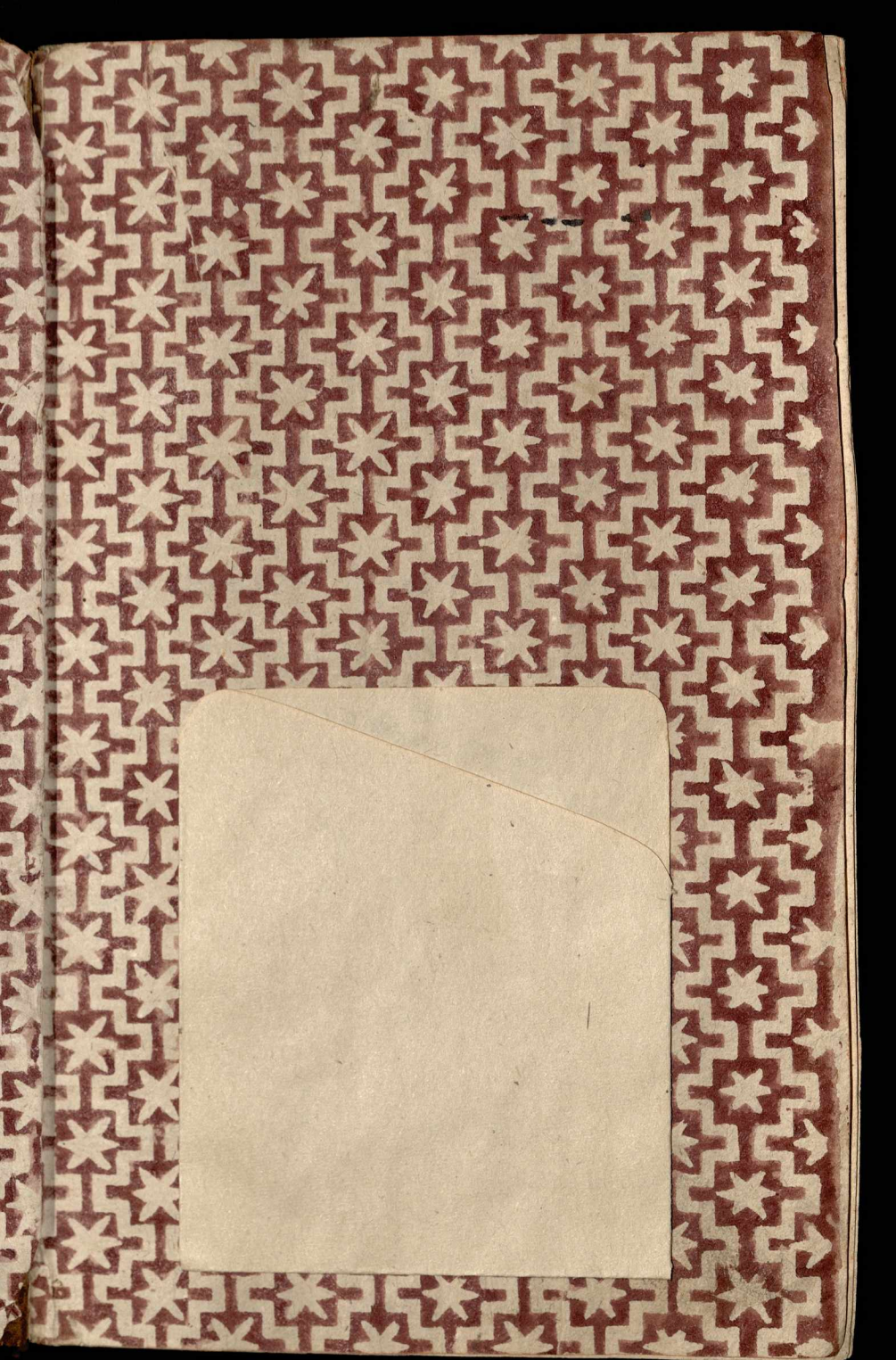
26225

Орловская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. Крупской
АБОНЕМЕНТ

Bibliotheca
Skariatiniana

LITH. CAUVIN. IMPR. KIEV. 1910

cc/
k

9(432)
988
ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНИИ

и

дѣянїи, изъясляющїя свойство

ФРИДРИХА II^{го},

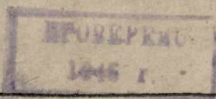
КОРОЛЯ ПРУССКАГО,

переведенныя съ Нѣмецкаго подлинника,

изданнаго въ Берлинѣ 1789 года,

М. П.

88555
88555
88555
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Въ Санктпетербургѣ 1789 года.

Печатаны при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Шляхетномъ

Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Wm. P. Hall of Baltimore
Chapman.

THE NEW YORK

LIBRARY

OF THE CITY OF NEW YORK

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

1850

NEW YORK

PRINTED BY

JOHN W. CLARK

AT THE NEW YORK LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

Нѣкто изъ очевидныхъ свидѣтелей повѣствуетъ между прочимъ о Королевскомъ поступкѣ, учиненномъ имъ во время знаменитаго при Торгавѣ сраженія, слѣдующее:

Предъ самымъ началомъ сей баталїи, построилъ Король десять баталїоновъ изъ своихъ гранадеръ, кои составляли все его передовое войско, въ нѣкопоромъ мѣсу въ боевой порядокъ. Но сколь скоро лишь выступилъ онъ съ ними противъ непрїятеля, то всѣ почти изъ нихъ положены были онъ чрезмѣрно сильнаго непрїятельскаго пушечнаго огня на мѣстѣ, прежде нежели успѣли еще они всѣ по оному выстрѣлить. Король, видя споль страшное людямъ своимъ пораженіе при семъ случаѣ, пребылъ однакожъ во все сѣе время довольно спокойнымъ, и обращаясь къ случившемуся подлѣ его на то время Генералу *Сибургу*, сказалъ припомъ оному: „*Вотъ какая ужасная канонада! Слыхивалъ ли ты*

когда о подобной оной?,, Между тѣмъ, не преславали падашь около его ядра и пули одно за другимъ, врываясь глубоко въ землю, такъ что онаго лошадь принуждена была онъ того бышь въ безпрестанномъ движеніи, да и самъ онъ даже получилъ тогда сильную конузю; но не смотря на то, оставался онъ все то время неподвижнымъ съ мѣста. Наконецъ, съ сего мѣста отправился онъ на другое, не менѣе опасное предъ прежнимъ, и прибывъ потомъ къ одному драгунскому полку, вопрошалъ онъ между прочимъ у служивыхъ: „Что дѣти, какво во вамъ здѣсь?,, — „Весьма дурно, Ваше Величество, онѣнствовали ему на то изъ нихъ нѣкошорые. Мы стоимъ здѣсь неподвижно на одномъ мѣстѣ, и принуждены допускать убивать себя, не въ силахъ будучи никакъ тому преняпствовать: (ибо, правое крыло не могло вовсе приступить къ наступленію на непріятеля.) „Пообождите еще немного, сказалъ Король симъ людямъ, непріятели ваши укротятся уже скоро, надѣюсь,

отъ ярости своей; а тогда придетъ и до васъ очередь въ томъ же самомъ., Въ самое то время, когда лишь выговорилъ Король слова сѣи, пролетѣло подлѣ самаго его мимо пушечное ядро, такъ что лошадь его кинулась отъ того потчасъ въ сторону, ударило въ барабанъ того полку барабанщика, и причинило наконецъ то, что испугавшаяся подъ онымъ лошадь помчала его благимъ махомъ прямо къ непріятелямъ. Король, не столько что не вспревожился нимало отъ сего случая, но смѣясь еще тому, закричалъ при томъ барабанщику тому въ слѣдъ: „Пожалуй скажи Австрійсцамъ, чтобъ отступали они скорѣе прочь; а не то отниму я у нихъ всѣ пушки., — Да и въ самой вещи, Король исполнилъ то подлинно чрезъ часъ времени, что сказалъ онъ шузя шокмо.

Послѣ того поскакалъ Король немедленно на правое крыло, и по окончаніи сраженія, приказалъ потчасъ своей конницы асидишь въ лѣво. Между тѣмъ, не преславалъ однакожъ непріятель при

своемъ опустуѣ все еще спрѣлѣяшь весьма сильно; въ самое сіе время, раздробила прилешѣвшая карпечъ у одного Унтеръ-офицера Лейбгвардіи, по имени *Гейнриха*, руку, и ударилась пошомъ подлѣ самаго Короля въ землю. Унтеръ-офицеръ сей вскричалъ изо всей силы при семъ ударѣ, кленя пришомъ по солдапскому обыкновенію бѣдсшвенную свою участь: „Не ранила ли она и Ваше Величество, спросилъ онъ пошомъ у Короля съ твердымъ духомъ тогда, когда уже замершневшая у него съ шесакомъ рука повисла на подобіе плети? „*Никакъ нѣтъ, любезный мой Унтеръ-офицеръ*, отвѣчалъ ему Король на вопросъ сей весьма милостиво, будучи примѣшнымъ образомъ тронутъ состояніемъ сего несчастнаго; *но у тебя, какъ вижу я, повреждена крайнѣ рука!* „—, И! Что до того нужды, продолжалъ говорить раненный пошъ; она заживетъ опять по прежнему; а ктомуужь, во мнѣ и нужды не столько, какъ въ Вашей Особѣ. „— Человѣколюбивый Монархъ сей,

не спуская попомъ нѣсколько времени съ онаго своихъ глазъ, означавшихъ ясно всю силу его соболѣзнованія, коимъ преисполнена бывала всегда, при подобныхъ сему случаяхъ, великая душа онаго, и оборотившись наконецъ назадъ, сказалъ случившемуся шамъ на то время Ротмистру Пасадовскому: „По истиннѣмъ трогаетъ меня чувствительно состояніе сего добраго человѣка. Прикажи, пожалуй, отправить его немедленно въ Торгаву, гдѣбъ не оставили подать ему всевозможную помощь къ онаго облегченію.„ Спущая попомъ два дни послѣ бапалѣи, вспомнилъ наки Король о семъ произшествіи, онъ приказалъ потчасъ освѣдомиться объ ономъ Унперъ-офицеръ, и отослалъ къ нему тогда же десять Фридрихсдорговъ, для нѣкотораго ободренія въ его печали о потерѣ онаго руки.

Королю не не доставало, по истиннѣ, ничего къ тому, чѣмъ сохранялъ при разныхъ случаяхъ солдатъ своихъ отъ всякаго рода унынія, и облегчалъ

пришомъ онымъ всячески несносныя трудности войны оказываемою имъ ласкою и соучастіемъ его во всемъ. Но естли случалось когда и самому ему вышупать изъ предѣловъ обыкновенной своей воздержности въ чемъ либо, то старался онъ всегда сколько можно скорѣе поправляя въ шомъ свои проступки. Нѣкогда на походѣ въ Саксоніи, когда Король, ѣхавъ верхомъ, поравнялся съ однимъ гранадерскимъ башаліономъ, то въ самое то время споткнулась подъ нимъ лошадь: одинъ изъ гранадеръ того башаліона, увидя сіе, бросился немедленно вонъ изъ шеренги, и схватя потчасъ за поводъ, хотѣлъ изъ усердія удержатъ лошадь отъ совершеннаго паденія. Король, которому и безъ того уже весьма досадно было на лошадь, за причиненной ею ему сильной толчокъ, а пришомъ и испужавшись отъ нечаемаго имъ вовсе такового скачка гранадера того, поднявъ свою палку, ударилъ оною гранадера, и поскакалъ потомъ впередъ. Многіе изъ того башаліона, видя все сіе

произшествіе отъ самаго начала до конца, начали нешолько пому смѣяшся, но спали еще насмѣшничашь и надъ симъ заслуженымъ гранадеромъ, крича ему громко: „Вотъ тебѣ достойная награда за шруды швои. — Король, слыша между тѣмъ все то, остановился наконецъ, и простоялъ пошудова на одномъ мѣстѣ, покамѣшъ не поравнялся съ нимъ наки усердный сей гранадеръ: „Гдѣ тотъ самый гранадеръ, который хотѣлъ было удержать мою лошадь, спросилъ онъ? — Тотчасъ предшавленъ былъ ему оный. — „Другъ мой, сказалъ ему Король тогда, естли и задѣлъ я тебя нѣсколько неосторожно моею палкою, то пожалуй не сѣтуй ты на то, потому что я не тебя, а мою лошадь хотѣлъ ударить. Однакожъ, сколь скоро прибудемъ мы въ лагерь, то явись ты тамъ ко мнѣ за должною тебѣ за то платою; но за твое усердное о мнѣ пошеченіе, благодарю я между тѣмъ тебя на первъи случай въ задатокъ. — Слова сіи удовлетворили обиженного гранадера.

ра того, по истиннѣ, несравненно болѣе за насмѣшку надъ нимъ его товарищей, нежели полученныя имъ послѣ отъ Короля деньги за ударъ палкою.

При нѣкоторой сильной схваткѣ у передовыхъ Прусскихъ войскъ съ Кроатями и гусарами Генерала *Надастія* въ Богеміи, проснрѣлили непріятели у одного рядового солдата вольнаго баталіона Г: *Вунша* икру у ноги; и какъ кровь лила у него весьма сильно изъ раны, не допуская успѣвать ему въ шествіи за прочими, то оный, отсѣлавъ отъ фронта, и прислонясь къ дереву, хотѣлъ между тѣмъ, вырѣзавъ у себя изъ рубахи рукавъ, перевязать онымъ свою ногу. Въ самое то время наѣхалъ на него нечаянно Король, и увидя его въ семъ упражненіи, спросилъ его тошчасъ: „*Что ты дѣлаешь тутъ?*“, — „Я хочу, Государь, перевязать мою ногу, чѣмъ не мѣшала мнѣ льющаяся изъ полученной мною раны кровь поспѣшь паки въ свой баталіонъ“, — „*Не уменьѣ же ты, какъ*

бѣжу я, отвѣтствовалъ ему на то Король; *поди лучше назадъ, и вели перевязать себѣ рану порядочнымъ образомъ.*, Король поскакалъ попомъ ошъ него впередъ, и остановился наконецъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы возможно было видѣть ему оштуда лучше все дѣйствіе его войскъ, и дѣлать припомъ удобнѣе всѣ распоряженіи. Спустиа послѣ того четверть часа, появился оная предъ нимъ сей раненный, которъ, идучи большими шагами, поспѣшалъ весьма усердно къ своему мѣсту. Король не преминулъ, обращаясь къ окружавшимъ его шамъ, указать его онымъ, сказавъ припомъ; „*Вотъ, Господа, идетъ нашъ храбрый солдатъ.*“, По окончаніи всего дѣйствія, когда Австрійцы прогнаны были уже совершенно назадъ, велѣлъ пошчасъ Король освѣдомиться о семъ раненномъ, и уелъщель, что оный, находясь при своей рани, спрѣлалъ на ряду съ прочими во все время весьма исправно; чего ради, приказавъ его кликнуть къ себѣ, спросилъ его; „*Умѣешь ли ты*

лсать?,, — „Умѣю, да припомѣ еще и хорошо, Ваше Величество, опивѣчалъ ему оный. — „*Когдажъ такъ, то будь же ты Фельдвелемъ въ полку Герцога Беверн-скаго, и лекись, пожалуй, наплаче о своемъ здоровье.*,, А между тѣмъ, подарилъ ему припомѣ Король и нѣсколько денегъ сверхъ того.

На походѣ къ Цорндорфу запрещено было всѣмъ солдатамъ настрого, какъ пѣніе, такъ и куреніе табака. Въ самое то время, когда все войско продолжало шествіе такимъ образомъ, двое изъ Лейб-гвардіонцевъ разсуждали между собою о разной машеріи, изъ коихъ сказалъ попомѣ одинъ другому, не чая того вовсе, чшобъ Король, который на ту пору ѣхалъ мимо ихъ верхомъ, могъ услышашъ: „Мы идемъ, братъ, шеперь слово слово, какъ будто крадимся, чшобъ подсперечь, по видимому, такъ Рускихъ, какъ кошка караулишъ мышъ.„ — „*И конечно такъ,* сказалъ на то Король, перебивъ совсемъ нечаянно разговоръ ихъ, подсте-

режелъ мы ихъ , лишъ только вы, смотрите, не упустиите изъ залади оныхъ.,, Гвардіонецъ шопъ, видя Короля споль благосклоннымъ и веселымъ на сей разъ, ободрясь шопчасъ опъ страха, копорый обуялъ было его съ самага начала опъ своей неоспорожности, опвънсповалъ Королю на оное весьма смѣло: „Ваше Величество! Инъ не сцѣпнися ли ужъ съ ними завпра же лучше; а не шо ускользнушъ они опъ насъ опяшь.,, Король, копорому понравились довольно слова сего челоуѣка, продолжалъ разговаривашъ съ нимъ: „До этого далеко еще намъ, другъ мой; а ухода ихъ я также не чаю; потому что стоятъ они твердо.,, — „Когдажъ шакъ, сказалъ попомъ Гвардіонецъ сей, шо право уцѣлеюшъ изъ нихъ весьма немногіе развѣ.,, — „Оставайся же инъ притомъ, другъ мой, продолжалъ говорить ему Король, и опѣзжая опъ него прочъ, повшорилъ ему припомъ въ слѣдъ: „Да и товарищамъ своимъ скажи тожъ самое.,,

Нѣкогда въ весьма пріятный весен-
ній день, когда все войско шло маршемъ
въ Богемію, то солдашы, развеселясь
между собою, начали пѣть разныя воен-
ныя и другія кой какія забавныя пѣсни.
Поручикъ Королевской Лейбгвардіи,
по имени *Тротта*, будучи шѣмъ крайнѣ
не доволенъ, и не могши долго того сно-
силь, началъ запрещать пѣнь; а наипа-
че возбранялъ онъ то своимъ подчинен-
нымъ Гвардіонцамъ; но не смотря на то,
ни брань, ни угрозы его не помогали ни-
мало, и солдашы не преслаивали утѣ-
шась себя громогласнымъ пѣніемъ. На-
конецъ, усмотря онъ ѣхавшего верхомъ
Короля, закричалъ потчасъ въ досадѣ:
„Вошѣ и самъ Король, онъ не оставишь
уже зашкнушь вамъ горло.. По произне-
сеніи имъ сихъ словъ, послѣдовала не-
медлѣнно тишина повсюду. Король, ко-
торому всегда было пріятно и видѣть
и слышать бодрость духа въ его солда-
тахъ, примѣтя послѣдовавшую вдругъ
вездѣ тишину, не преминулъ спросить у
солдашъ: „*Для чего не продолжаете вы,*

дѣти, пѣть по прежнему?,, — ,,Ваше Величество, ошвѣчали ему на то нѣкоторые, Господинъ Поручикъ Тротта запретилъ намъ то,, Услыша сіе Король, обернулся шопчасъ къ помянутому Поручику, кошорый поѣхалъ также за нимъ въ слѣдъ, и сказалъ оному съ видомъ своего неудовольствія: — ,,Господинъ Офицеръ, пожалуй не мѣшай веселиться моимъ людямъ! Не уже ли считаешь ты подчиненныхъ тебѣ рабами? Нѣтъ, нѣтъ, это мои Прусакки. Пойте, пойте, небось, любезныя мои дѣти, продолжалъ говорить онъ солдатамъ, я ничуть не хочу мѣшать вамъ въ вашихъ забавахъ,,

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1761 года, когда все войско спояло лагеремъ подъ Швейдницею, то Король не осмавлялъ ходити каждый вечеръ вмѣстѣ съ Маркграфомъ Карломъ на нѣкое возвышенное мѣсто, находившееся предъ самымъ фронтомъ, гдѣ опдыхали они оба обыкновенно нѣсколько времени, лежа на со-

ломѣ. Въ одну ночь, когда помянутый
 Маркграфъ заснулъ крѣпко, а Король не
 могъ никакъ между тѣмъ спать, то,
 оставя начлегъ свой, пошелъ онъ прямо
 къ ближайшему онъ того мѣста споя-
 вшему на часахъ солдашу, и началъ съ
 нимъ разговаривать: „Здорово часовой,
 сказалъ ему Король. Солдатъ пошѣ,
 будучи уроженецъ изъ Поммераніи, и
 находясь еще не весьма давно при полку,
 не зналъ, слѣдственно, вовсе Короля въ
 лицо; чего ради, ошвѣщствовалъ ему по
 просьбу, по обычаю всѣхъ Поммеранцевъ:
 „Здорово, Господинъ Копишанъ, щипая
 онаго за караульнего Капишана. — „По-
 года теперь весьма прекрасна, продол-
 жалъ говоритъ ему Король. — „Подлин-
 но такъ, Господинъ Копишанъ; куда бы
 тожго теперь выкуришь трубочку таба-
 чку., — „Да для чегожъ и не такъ, спро-
 силъ у него Король? — „Для чево, спра-
 шиваетъ онъ у меня! Ты вѣдаешь то вишь
 больше. Я боюсь штобъ не взѣронали
 мнѣ за то спины., — „Ты сущій дуракъ,
 сказалъ ему Король, набей лишь свою

трубку, я позволяю тебѣ то., —, Ну, такъ
 инѣ ладно же, я и впрямѣ набью ее., Сол-
 датъ шошѣ принялся подлинно шоп-
 часѣ за работу, и началъ себѣ благопо-
 лучно курить табакъ. Но какъ все ку-
 риво изъ оной спало ударять прямо
 Королю въ лицо, то оный перешелъ не-
 медлѣнно на другую сторону. —, Што,
 Баринѣ, а ли табакъ по тебѣ не по серд-
 цу?, —, Да, да! А сколь давно ты въ слу-
 жбѣ, спросилъ у него Король паки? —
 „Съ самаго рабчества., — „Гдѣжѣ слу-
 жилъ ты прежде?, — „Гдѣ! у Крестьяна
 Берсмана, а послѣ у невожѣ въ конюшнѣ.,

Между тѣмъ, какъ уже скоро надобно
 было придти шуда смѣны, то Король,
 копя его оставить, сказалъ ему: „Кури,
 кури твою трубку, я уже иду прочь
 отсюда., Послѣ того приказалъ онъ
 караульному Офицеру сказать, чѣмъ
 оный, по смѣнѣ шого часового, прислалъ
 его къ нему. Офицеръ сей, не зная ниче-
 го, и шипая, что солдакъ оный, стоя на
 часахъ, непременно сдѣлалъ какой ни есть

Часть IX^а. Б

проступокъ, встрѣшилъ его потчасъ
 весьма сурово, и началъ у него спраши-
 вать съ сердцемъ, что онъ такое сдѣ-
 лалъ, будучи на часахъ?— „Вотъ! Вишь
 какой, говорилъ солдашъ потъ, онъ ме-
 няжъ еще о томъ спрашиваетъ; а добро
 ка бы самъ про то не вѣдалъ ничего!,—
 „Тфу столбъ какой! Сказалъ ему Офи-
 церъ на то. Что мнѣ знать? Тебя пре-
 буешь сей же часъ къ себѣ Король.,—
 „Вотъ! Не по пустякамъ же вишь смѣ-
 калъ я то. Теперь такъ ни про што ты
 вѣдашь не хошь; а самъ же, небось, велѣлъ
 мнѣ то., Въ самое то время подошелъ и
 Король шуда же, и началъ самъ спраши-
 вать того солдаша: „*Для чего куришь
 ты табакъ, стоя на часахъ?*„ Солдашъ
 сей, не давъ на то никакого Королю
 отвѣта, обращаясь потчасъ къ Офицеру
 и сморщась самъ, началъ говорить оно-
 му: „Вотъ, вишь какой! Сперва такъ
 самъ ты велѣлъ мнѣ, а послѣ на меняжъ
 донесъ!,— Потомъ продолжалъ онъ гово-
 ришь и самому Королю: „Былое то дѣло,
 Кормилецъ! Я не запираюсь въ томъ;

только Господинъ Копишанъ довелъ меня до шово.,, Король, принявъ на себя нарочно суровый видъ при семъ случаѣ, сказалъ ему пришомъ: „Чегожъ заслужи-
ваешъ ты теперь за то?.,—,,Вашо Вели-
шество, ошвѣчалъ на то солдашъ, при-
слоня между шѣмъ руку свою къ уху,
я право не вѣдаю шово.,—,,Тебя надобно
прогнать за то сквозь строй, сказалъ
ему Король.—,,Ладно, вскричалъ пошомъ
солдашъ смѣло, обращаясь къ Офицеру,
шеперь шов выжаряшъ обѣмъ намъ спины,
поштому; а все вишь ошъ шовово раздо-
барованья.,, Король не могъ удержатся
болѣе ошъ смѣха при послѣднихъ сло-
вахъ просшодушнаго сего Поммеранца,
и приказалъ дать ему за шов нѣсколько
на вино денегъ.

При городѣ Лигницѣ осаждено было
ошвсюду все Прусское войско ошъ Дау-
на и Лаудона, шакъ что Авспрѣйцы,
судя по весьма выгодному своему поло-
женію, щипали уже Короля Прусскаго не
иначе, какъ совершенно погибшимъ, по-

чему тотчасъ промчалась по всему ихъ войску слѣдующаго содержанія поговорка: „Мѣшокъ уже совсемъ готовъ, куда посадя Короля Прусскаго со всеми онаго солдатами, завяжемъ мы его накрѣпко.„ Хвастовство сѣе Австрійцевъ дошло скоро и до самаго Короля также, который, рассказывая о томъ при столѣ своимъ Генераламъ, прибавилъ къ тому, смѣючись при томъ: „Господа! Австрійцы говорятъ, подлинно, правду; только я постараюсь, полно, сдѣлать въ мѣшкѣ такую дыру, которую они во всю свою жизнь исправить не въ силахъ будутъ.„ Что самое здержалъ Король и въ самой вещи, разбивъ по нѣсколькихъ дняхъ Лаудона со всемъ онаго войскомъ.

Нѣкто изъ Гвардіонцевъ передоваго войска, которымъ предводительствовалъ самъ Король, купилъ себѣ нѣкогда ягодъ; но нашедъ ихъ потомъ не совсемъ еще зрѣлыми, вздумалъ онъ для препровожденія времени кидать ими въ споявшихъ впереди своихъ товарищей. Одинъ

изъ оныхъ, бывшій въ переднемъ ряду, далъ ему между шѣмъ знакъ, бросить къ нему также одну таковую; чего ради, бросилъ онъ, во угожденіе оному, одну ягоду въ него изо всей мочи, которая попала однакожъ вмѣсто того въ самое Королевское плечо. Король, почувствовавъ сей ударъ, и недоумѣвая того, что бы было причиною нечаянной шолікой боли, узналъ наконецъ отъ своего Адьюшанпа, что шо была ягода. Топчасъ вѣлѣно было всѣмъ остановишся на мѣстѣ, и Король приказалъ немедленно изыскашь шому виновника, котораго не преминули показашъ въ шужъ минушу находившіеся подлѣ него въ спрору солдаты; и какъ Король казался шѣмъ крайнѣ противъваннымъ, шо всѣ пришли отъ шого въ великой спрахъ, не вѣдая, что изъ шого послѣдуешъ. Король, помолчавъ при семъ случаѣ нѣсколько, сказалъ потомъ сему пресшупнику: „Тебѣ должно быть весьма крѣпкаго сложенія, вижу я, что ты употребляешъ столь незрѣлыя ягоды: ибо, плечо мое чувствуетъ то до-

вольно, что онъ весьма крѣлки; почему совѣтую тебѣ впредѣ покулатъ овощи гораздо зрѣлѣе, дабы не вредили онъ и собственному твоему здоровью., Выговоря сѣе, поѣхалъ Король улыбаясь отъ него прочь; Гвардіонецъ же потѣ не могъ даже оправиться отъ страха во весь почти сей день.

Нѣкогда на походѣ въ Богемію, предавшись въ одно время *Фридрихъ* шолікому безпокойствію, что препроводилъ онъ сряду цѣлыя три noci безъ всякаго сна, не давая себѣ нисколько покою. Въ нѣкоторой деревнѣ, кошорая назначена была мѣстомъ общаго зборища всему войску, остановился тамъ Король въ крестьянской избѣ; но какъ просіявшее потомъ, послѣ великаго дождя, солнце сдѣлало воздухъ весьма пріятнымъ, то Король, обернувшись въ походный свой старый плащъ, пошелъ прямо въ огородъ, и легъ тамъ подъ одно большое яблонное дерево, находившееся неподалеку отъ проѣзжей дороги, спать. Между

шѣмъ, когда Король заснулъ лишъ шамъ, одинъ изъ гусарскихъ Офицеровъ при- скакалъ шуда же въ самое то время съ из- вѣстїемъ, что Австрійсцы атаковали Прусскіе передовые отводные караулы; и какъ дорога изъ поля лежала прямо чрезъ помянутый огородъ къ тому кре- сстьянскому дому, въ которомъ распо- ложился Государь, близъ самаго того мѣ- ста, гдѣ лежалъ Король на правѣ, то ло- шадь подъ Офицеромъ шѣмъ, скакавъ во всю прышь, забрызгала опочивавшему Мо- нарху все лицо грязью такъ, что онъ отъ того проснулся. „Ей! Сб чѣмъ ѣдешъ ты,“ вскричалъ Король Офицеру тому въ слѣдъ? Офицеръ сей, увидя Государя опиравшего у себя съ лица грязь, испу- жавшись отъ того крайнѣ, скочилъ опрощенью съ лошади, и началъ просить у него въ томъ прощенія. Королю не хо- шѣлось того, по видимому, чтобъ Офи- церъ примѣшилъ то, закричалъ ему громче еще прежняго: „Я хочу, Сударь, знать, сб чѣмъ ты ѣдешъ, а не то, что ты сдѣлалъ.“ — „Ваше Величество, не-

пріятели напали на наши передовые опводные караулы; а я опправленъ нарочно за тѣмъ, что въ такомъ случаѣ дѣлать приказано будетъ.,— „Изрядно, сказалъ на шо Король, пусть они защищаютъ себя; я буду самъ туда сей же часъ., „Послѣ того, вспаль онъ поспѣшно съ мѣста, приказалъ тотчасъ поспѣшать къ походу, велѣлъ между тѣмъ податься себѣ воды, и начавъ умывать у себя лице, сказалъ пришедшему къ нему въ то время Генералу Цитену: „Бѣдный Офицеръ сей испужался, подлинно, крайнѣ, увидя то, какъ онъ отдѣлалъ меня ловко; но полно бѣднякъ этотъ ничуть не виновенъ ни въ чемъ; да яжъ и самъ не остерегся на сей разъ., „Съ самаго того время замѣшилъ Король сего Офицера, и при первомъ случаѣ, когда оный отличилъ себя предъ прочими, что самое случилось не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ того, наградилъ онъ его военнымъ Орденомъ Достоинства.

Нѣкогда, во время фуражированія въ Богеміи, осмѣлился одинъ карабинеръ въ присудствіи самаго Короля отнять у крестьянина овцу, которой перерѣзавъ онъ горло, запрягалъ ее потомъ въ свой кошель. Крестьянинъ, увидя его отбѣзжавшимъ уже и съ добычею своею съ того мѣста прочь, поднялъ наконецъ столь сильный крикъ, что Король, услыша то вскорѣ, приказалъ поспѣшнѣе о причинѣ онаго освѣдомиться. Немедленно былъ сей крестьянинъ представленъ предъ лице Монарха, который не преминулъ рассказать Государю всего своего несчастія, то есть, что одинъ изъ его рейшаръ въ зеленой шапкѣ отнял у него овцу, и увезъ съ собою. Король, который и безъ того намѣренъ уже былъ ѣхать прочь отсюда, взялъ нарочно крестьянина сего съ собою, чтобъ оный могъ показать ему самаго того рейшара. Отбѣхавъ лишь шаговъ съ пятидесяти впередъ, достигли они подлинно сего виноватаго; увидя же, что зарѣзанная овца шорчала у него изъ кошеля

его, спросилъ у него потчасъ Король съ гнѣвомъ: „Зачемъ взялъ ты у него овцу?“ — „Для того, что у насъ въ лагерь нечево ѣсть, ошвѣчалъ Королю карабинеръ потъ смѣло. — „Чегожъ хочешъ ты, мужикъ, за твою овцу, спросилъ потомъ Король у крестьянина?“, — „Два гульдена, Ваше Величество.“, Король приказалъ выдать оному требуемая имъ за овцу деньги; но карабинеръ, щитая, что кожа, голова, ноги и вся внутренняя овечья должны были непременно вычтены быть изъ того числа, настоялъ въ томъ при семъ случаѣ, говоря, что все то можетъ крестьянинъ взять у него себя назадъ. Король не могъ удержаться отъ смѣха таковому торгу, отпустилъ отъ себя крестьянина, и сказалъ потомъ карабинеру тому: „Слушай, оставь, пожалуй, впредъ воровать овецъ; а не то, вить мнѣ будетъ то стоитъ всегда только двухъ гульденовъ; тебѣжъ, напротивъ того, нѣсколькихъ добрыхъ ударовъ палками.“, — „Ваше Величество, ошвѣчалъ ему на то карабинеръ,

впредь буду я всегда посступать при томъ такъ, чтобъ обѣимъ намъ ничего то не стоило.,, Королю понравился столь смѣлый отвѣтъ сей карабинера того, что приказалъ онъ ему тогда же, сверхъ плащы, за похищенную имъ овцу, дать еще на вино нѣсколько денегъ.

Въ одно время, при подобномъ же сему случаѣ, когда въ предѣлахъ города Швейдница всѣ сѣстные припасы равномерно также были весьма рѣдки, забрелъ одинъ драгунъ къ нѣкопорому крестьянину въ избу, который на ту пору вынималъ у себя изъ печи печеные хлѣбы: драгунъ сей, не упуская столь удобной для него оказіи къ поживкѣ, схватя два хлѣба безъ дальнихъ околичностей, направилъ потчасъ съ ними лыжи. Крестьянинъ потъ, шужа крайнѣ о своихъ хлѣбахъ, не преминулъ погнашся благимъ машомъ въ слѣдъ за драгуномъ, крича при томъ изъ всей мочи. Въ самое то время, Король, возвращаясь съ рекогносцированія назадъ, наѣхалъ на

нихъ обѣихъ, и ошановясь, спросилъ
 крестьянина о причинѣ столь усерднаго
 его за драгуномъ преслѣдованія. — „Да
 осталось ли у тебя еще сколько ни есть
 хлѣба дома, спросилъ у него Король,
 узнавъ причину всей его горести? —
 „Никакъ нѣтъ, Ваше Величество: эшто
 самой служивой побралъ у меня ихъ
 всѣ. — „Драгунъ, вскричалъ потомъ
 Король, отдай ему тотчасъ одинъ
 хлѣбъ назадъ. — „Ей, ей, Ваше Величе-
 ство, мнѣ того никакъ исполнишь не мо-
 жно, отвѣчалъ на то Королю драгунъ;
 потому что оба хлѣба эти надобно мнѣ
 раздѣлить на семерыхъ челоѣкъ. —
 „Пожалуй же отдай сему Крестьянину
 одинъ изъ сихъ хлѣбовъ назадъ, сказалъ
 ему Король весьма милосшиво. Сего-
 днижъ къ вечеру придутъ къ намъ фу-
 ры съ хлѣбомъ, и вы всѣ получите она-
 го на цѣлые на шесть дней. — „А ко-
 гда такъ, шо эшо дѣло другое, сказалъ
 на шо драгунъ. На же инъ возьми, му-
 жикъ, одинъ хлѣбъ назадъ; а за другой
 заплачу я тебѣ охотно чешыре гроша. —

„Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, сказалъ на то Король! Вся вина тому лежитъ на мнѣ, что у васъ нѣтъ хлѣба; и для того плачу я одинъ за то., Тотъ же часъ велѣлъ Король заплашишь крестьянину за хлѣбы; а драгунъ получилъ также нѣсколько денегъ въ награжденіе за доброе онаго попеченіе о его товарищахъ.“

Когда Король, то есть, вскорѣ по приняшій на себя правленія Государствомъ, началъ дѣлать разныя прѣуготовленія къ войнѣ, дабы въ началѣ завоевать всю Силезію, то Дворъ Вѣнскій отсправилъ отъ себя тогда же въ Берлинъ Маркиза *Ботта*, подъ предлогомъ поздравленія яко бы Короля Прусскаго со вступленіемъ его на Престолъ. Сей самый *Ботта*, будучи весьма умный, а при томъ и лукавый человекъ, проникнувъ скоро всѣ Королевскія мысли, по окончаніи обыкновенныхъ при шаковыхъ случаяхъ привѣтствій, обратился тотчасъ непримѣшнымъ образомъ разговоръ на предпріемлемое имъ путешествіе, и опи-

салъ Королю всѣ дороги въ Силезіи столь дурными и ошѣ наводненія столь попорченными, что едва даже и проѣзжими дѣлалъ оныя. Король, припворясь при семъ случаѣ, яко бы вовсе не примѣшилъ сего намѣренія Маркизова, ошвѣстшвалъ ему на то слѣдующимъ образомъ: „Наихудшее изъ того для тѣхъ, кои должны непремѣнно проѣзжать по симъ дорогамъ, состоитъ, думаю я, единственно въ томъ только, что они всѣ заплачкуются.,,

При самомъ же Королевскомъ отъѣздѣ его къ войску, когда Король разсудилъ за благо дать опшускную аудіенцію тому самому Маркизу, сказалъ ему оный между прочимъ: „Ваше Величество изволише раззорить весь Домъ Австрійскій, да и себя шущъ же съ нимъ вкупъ., — „Это зависитъ отъ одной лишь Королевы, ошвѣчалъ ему на то Король, то есть, или принять, или отвергнуть учиненныя ей мною предложенія., Ботта, задумавшись ошъ сихъ словъ, замолчалъ было на нѣкоторое

время; но ободрясь потомъ паки, сказалъ наконецъ Королю съ насмѣшливымъ видомъ: „Государь! Я признаюсь Вамъ въ томъ, что войски Вашего Величества весьма прекрасны съ виду; наши опсноряи дѣйствительно далеко опъ сего преимущества; однакожъ онъ понашорѣли вмѣсто того съ лишкомъ довольно въ воинскомъ искусствѣ. — „*Когда щитаете Вы войски мои хорошими съ виду*, сказалъ ему Король съ видомъ недовольствія своего, *то докажу я Вамъ, что оныя и храбры также не менѣе.*„

Принцъ Ангальт-Дессавскій, будучи весьма прошивныхъ мыслей съ Королемъ въ разсужденіи онаго предпріяшя къ начашю войны, не оставилъ между шѣмъ и явно дѣлать сильнѣйшія со стороны своей возраженіи прошивъ того, такъ что сей самый его поступокъ показался наконецъ Королю даже опаснымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, дабы шоль сильное онаго ропшаніе не подѣйствовало сколько ни естъ въ самомъ

войскѣ, которому довольно извѣстенъ былъ сей Принцъ со стороны великаго Полководца. Чего ради, Король, сочтя на сей случай за нужное пресѣчь въ самомъ началѣ всѣ имѣющія произойти отъ того непріятныя для себя слѣдствія, приказалъ немедленно всѣмъ Офицерамъ Берлинскаго Гарнизона собраться въ назначенное имъ мѣсто, и говорилъ онымъ слѣдующимъ образомъ:

„Господа Офицеры! Я намѣренъ предпринять войну, при чемъ однакожъ не имѣю я на сторонѣ моей никакихъ другихъ союзниковъ, окромѣ единой лишь Вашей храбрости и добраго Вашего на то согласія. Причина моя къ тому справедлива впротчемъ довольно, и я полагаюсь притомъ совершенно на благопріятствующее мнѣ щастіе. Въ разсужденіи чего совѣтую я каждому изъ Васъ приламятовать теперь ту самую славу, которую преобрѣли Ваши предки подъ Варшавою, подъ Фербеллиномъ и при разныхъ производимыхъ Прусаками военныхъ происшествіяхъ. Вся участь

Ваша зависитъ отъ собственныхъ Вашихъ рукъ. Чтожъ принадлежитъ до преимуществъ и воздаяній, то оныя послѣдуютъ непремѣнно по слѣдамъ каждаго изъ Вашихъ мужественныхъ подвиговъ; да мнѣ и ненужно вовсе возбуждать болѣе въ сердцахъ Вашихъ любочестія: ибо, слава есть перьвый предмѣтъ Вашъ, и достоинъ одинъ лишь всего Вашего неусыльнаго поличенія. Вспомните, что мы будемъ сражаться съ такими народами, кои, состоя подъ управленіемъ Принца Евгенія, превозносились отъ всѣхъ наибольшими почестями. Хотяжъ и нѣтъ уже болѣе Принца сего въ числѣ живыхъ; несмотря однакожъ на то предостанется намъ всегда безмѣрно много чести, если только восторжествуете Вы надъ храбрыми своими непріятелями и поверстаете силы Ваши противъ толь искусныхъ воиновъ. Итакъ, прощайте! Идите впередъ, я не премину послѣдовать Вамъ также немедленно на сіе зборное мѣсто чести, ждущей насъ отъсюду..

Часть IX^я.

В

Вскорѣ пошомъ, когда Король при-
 былъ въ городъ Кроссенъ, послѣдовало
 совсемъ нечаянно, что въ самый шотъ
 день упалъ съ высокой башни соборной
 церкви колоколъ, пошому что та са-
 мая веревка, на которой онъ былъ по-
 вѣшенъ, згнила уже, по видимому, отъ
 продолжительнаго времени; но какъ то-
 гдашнее суевѣріе людей почло случай
 сей весьма дурнымъ предзнаменованіемъ
 войны, то Король не упустилъ потчасъ
 спарашся всячески истребить вредное
 отъ шого въ жишеляхъ шого мѣсна
 впечатлѣніе, коимъ заразились весьма
 многія, употребя самъ суевѣріе сіе съ
 пользою въ иносказательномъ смыслѣ.
 „Сей низладшій колоколъ, говорилъ онъ
 предсшоявшимъ окрестъ его, означаетъ
 неинное что, какъ самое униженіе тому
 самому, что прежде пребывало на са-
 мой вышинѣ; а какъ Домъ Австрійскій
 превознесъ уже себя столь много предъ
 Домомъ Бранденбургскимъ, то произ-
 шествіе оное есть очевидное предзнаме-
 нованіе всѣхъ преимуществъ, кои пре-

обращеніе несомненно послѣдній изъ сихъ
предъ первыми.,,

Когда Король покорилъ своему ору-
жью всю Силезію, то Королева Венгер-
ская, желая предупредить опасныя для
себя ошѣ шого слѣдствіи, препоручила
Англинскому Послу Робинсону, пребывав-
шему тогда при ея Дворѣ, сдѣлать
Королю Прусскому предложеніе къ при-
мирению обоихъ Державъ. Человѣкъ сей,
будучи сильно поработенъ всѣмъ инше-
ресамъ сея Государыни, предлагалъ о
номъ Королю съ своей стороны съ вели-
кою важностію. По окончаніи же имъ
сей величавой речи, описывавшей
оному Король, который имѣлъ особли-
вое дарованіе весьма легко проникавъ
во все, въ томъ же самомъ видѣ слѣдую-
щимъ образомъ:

„Обладатели Государствъ безъ при-
нужденія къ чести, могутъ удобно наи-
справедливѣйшее свое дѣло промѣнять
на деньги. Итакъ, чинимыя Вами те-
перь мнѣ предложеніи, почитаю я неспра-

внѣнно безчестнѣе, нежели самый безпри-
 мѣрно надмѣнный поступокъ Вѣнскаго
 Двора. Все мое войско почло бы меня
 безъ сомнѣнiя весьма недостойнымъ въ
 послѣдованiи тому самому; а наипаче
 тогда, когда бы я какимъ либо предосу-
 дительнымъ примиренiемъ обратилъ въ
 ничто всѣ тѣ преимущества, кои пре-
 обрѣло оно мнѣ мужественнѣйшими по-
 двигами, содѣлавшими его безсмерт-
 нымъ, такъ сказать. А сверхъ того и
 не могъ бы я, не учиня наипуснѣйшей не-
 благодарности, оставить паки моихъ
 новыхъ подданныхъ, всѣхъ Протестан-
 товъ, коихъ совокупныя желанiя призыва-
 ютъ меня сюда. Развѣ предоставить ихъ
 мнѣ, на подобiе пагубнѣйшихъ жертвъ,
 крайнему неистовству оныхъ гонителей?
 Но какъ можно мнѣ отступить нынѣ
 отъ искренней любви къ честности и пра-
 воудушiю, врожденныхъ мнѣ добродѣте-
 лей сихъ? Да естьлибъ и сроденъ я былъ,
 положимъ, къ какому либо столь безче-
 стному и столь поносному дѣлу, то и
 тогда бы долженъ я былъ представить

себѣ, что тѣни предковъ моихъ пред-
станутъ изъ могилъ своихъ немедленно
предъ мои очи, и скажутъ мнѣ всѣ еди-
ногласно: Нѣтъ, нѣтъ, кровь наша пре-
стала уже течь болѣе въ твоихъ жилахъ;
тебѣ слѣдовало бы поборать всѣми си-
лами правоту; но ты продаешь ее вѣро-
ломно! Ты помрачаешь всю славу, кото-
рую оставили мы тебѣ драгоцѣннѣй-
шимъ залогомъ нашего стяжанія. Не-
стоящій вовсе ни бѣть, ни называется
Государемъ, скажутъ, говорю, они мнѣ,
есть ты ничто иное, какъ токло преис-
полненный коварства торгачъ, предпо-
читающій всякую корысть чести. Чего
ради, не допущу я никакъ поносить се-
бя кому либо подобными сему упрека-
ми. По истиннѣ, хочу я лучше погребѣ-
сти самаго себя и все мое войско купно
подъ развалинами Силезіи, нежели допу-
щу до того когда, чтобъ честь и слава
имени Пруссовъ замараны были хотя
малѣйшимъ пятномъ какимъ либо.,,

При происходившемъ въ 1754^{мъ} году подъ городомъ Берлиномъ генеральномъ осмотрѣ войскъ Пруссскихъ, понравился Королю паче всѣхъ полковъ, бывшихъ въ то время тамъ въ сѣроу, керасирскій полкъ Принца Прусскаго. Опышъ крайняго своего удовольствія, ощущаемаго имъ отъ того, доказалъ онъ опличнымъ образомъ надъ Генераль-Маіоромъ *Дризеномъ*, который былъ тогдашнимъ начальникомъ того самого полка. Ибо, подъ вечеръ того же еще дня получилъ Генераль сей отъ Тайнаго Совѣтника *Кеплена* письмо, которымъ увѣдомлялъ его оный, что Королю угодно было подарить ему 2000 Рейхсшалеровъ; и когда помянутый Генераль въ послѣдующій по томъ день началъ благодарить за то Короля, то Государь сей, взявъ онаго за руку, и посмотри на него съ пріятнымъ видомъ, сказалъ ему при томъ: „Твое усердіе къ службѣ заслуживаетъ награждено быть болѣе; эта малость не значитъ ничего; я конечно не оставлю усугубить благодарности

моей тебѣ за то, Возлюбленный мой!,,
 Чшо и подлинно исполнилъ онѣ не замедля, пошому чшо въ шомѣ же день получилъ *Дризенѣ* своеручное отъ Короля письмо, коимѣ пожаловалъ онѣ ему главное надѣ всемѣ въ Осперодѣ начальство, доставляющее ежегоднаго дохода до 500 Рейхсшалеровѣ съ присовокупленіемѣ еще къ шому годовой пенсії 1000 Талеровѣ.

Самый же сей Генералѣ *Дризенѣ*, будучи нѣкогда для набора солдатѣ въ Вестфаліи, прижилъ тамѣ съ нѣкоторою Особою сына, о воспитаніи коего не прилагалъ онѣ нималяйшаго даже попеченія. Но братѣ его, бывшій шогда въ гарнизонѣ города Везеля, нашедѣ нечаяннымѣ образомѣ сего ребенка, и взявѣ онаго къ себѣ, воспиталъ его на равнѣ съ своими дѣтьми, кошорый въ послѣдствіи времени сдѣланѣ былѣ, по согласію на шо Генерала Графа *Доны*, Юнкеромѣ при онаго ротѣ. Между шѣмѣ, по прибытіи Короля въ городѣ сей, спросилѣ нѣкогда *Фридрихѣ* молодаго сего

человѣка, увидя его въ первый еще разъ, кшо онъ таковъ, и кшо онаго отецъ?— Графъ *Дона*, взявшись за него ошвѣчашъ, назвалъ по имени и отца его, бывшего тогда еще Полковникомъ.— „*Давить у Дризена нѣтъ дѣтей, помнитсѣ мнѣ*, сказалъ на то Король поспѣшно.— „Онъ его побочный сынъ, Ваше Величество, ошвѣчалъ *Дона*.— „Что до того нужды, продолжалъ говорить Король, отецъ его исправный воинъ. Пусть будетъ онъ *Офицеромъ и законнорожденнымъ*; лишь бы только *Полковникъ* не зналъ о томъ ничего., Снуспя потомъ съ годъ времени, предъ самымъ почти началомъ семилѣтней войны, произведенъ былъ сей молодой человекъ *Поручикомъ*, и получилъ вскорѣ повелѣніе явишся немедленно въ *Потсдамъ*, гдѣ находился и *Полковникъ*, отецъ его, также, который пожалованъ уже былъ *Генераломъ*. Нѣкогда при сполѣ спросилъ между прочимъ Король у сего *Генерала*: „Сколько человекъ мужеска пола находится еще въ живыхъ изъ твоей фами-

лии?., — „Насѣ два брата и одинѣ мой
 племянникѣ шолько, Ваше Величествѣ,
 ошвѣчалѣ на шо *Дризенѣ*. — „Послушай
 пожалуй, сказалѣ пошомѣ Король, ты
 хотя и добрый человекѣ; но дурной при-
 томѣ отецѣ, потому что не знаешь
 собственныхѣ своихѣ дѣтей, чего бѣ
 впротчемѣ не думалѣ я отѣ тебя ни-
 какѣ.„ Генералѣ сей началѣ было запи-
 раться вѣ томѣ, что у него нѣтъ ника-
 кихѣ дѣтей; но Король пресѣкъ пош-
 часѣ слова его, сказавѣ ему пришомѣ:
 „Конечно есть у тебя сынѣ, знаю я.„
 Пошомѣ взялъ Король сѣ виномѣ рюмку,
 и поднося оную шому Генералу, прика-
 залѣ ему выпить изѣ нее за здоровье
 Капишана *Дризена* Гордшскаго полку.
 Между шѣмѣ, позванѣ былѣ сей ново-
 пожалованный вѣ передній покой, а по-
 шомѣ, по выходѣ изѣ за стола, прика-
 зано ему было и шуда войши, гдѣ нахо-
 дилось все собраніе. Король, взявѣ его
 при семѣ случаѣ за руку, и подводя она-
 го кѣ его ошцу, сказалѣ сперва сыну:
 „Будѣ, Другѣ мой, столь же во всемѣ

исправенъ, какъ и твой отецъ; а накомѣнецъ и ошщу: „А ты возьми, пожалуй, телерь къ себѣ своего сына, и снаряди его всемъ, какъ должно.“, Послѣ того вышелъ Король ошпуда вонъ, оставя все бывшее шамъ собраніе въ крайнемъ удивленіи и всѣхъ чувствительно пронутыми ошъ сей небоображаемой никъмъ сыгранной имъ шшуки. По прѣздѣ же Генерала къ себѣ въ квартиру, нашель онъ шамъ уже готовымъ ошъ Короля подарокъ, состоявшій въ 2000 Талерахъ, назначенныхъ къ снаряду онаго паки обрѣшеннаго имъ сына.

Впрошчемъ, при первомъ случаѣ, по открытіи военныхъ дѣйсвій, когда неустрашимый Гордшскій полкъ, сразясь крѣпко съ непріятелемъ, находился уже оповсюду въ пресстрашномъ огнѣ, примѣшилъ шамъ скоро Король одного молодого Офицера, подвизавшегося съ опличною предѣ прошчими смѣлосшію. Онъ не преминулъ шопчасъ спросить о его имени; но какъ никпо не зналъ Королю ничего сказать объ немъ, то приказаль

онъ, чтобъ Офицеръ потъ, естли
оспанется по окончаніи того сраженія
въ живыхъ, явился немедленно къ нему
въ главную кварѣиру. Повелѣніе сіе
исполнено было во всякой точности;
Офицеръ потъ предсталъ по оконча-
ніи дѣйствія предъ лице Монарха, ко-
торый, увидя лишь онаго, сказалъ ему
потчасъ съ видомъ весьма пріятнѣй-
шимъ: „Ну, теперь то вижу я, подлинно,
что не ошибся я въ томъ никакъ, что
ты послѣ дуешь по столамъ твоего роди-
теля: все сіе предузналъ я; по истинѣ,
уже впередъ въ тебѣ,“. Въ тожь самое
время пожаловалъ его Король Маіоромъ
въ такую полкъ, который назначенъ
былъ противъ Шведовъ; но будучи при
ономъ, прекратилъ скорѣ неуспраши-
мый сей воинъ печеніе храбрыхъ своихъ
подвиговъ: ибо, получа въ нѣкошоромъ
съ непріятелями жестокомъ сраженіи
ровно одинадцать себѣ ранъ, умеръ онъ
наконецъ въ прежалостномъ состояніи.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ семилѣтней войны приѣхалъ нѣкогда Король верьхомъ подъ вечеръ совсемъ нечаянно въ Шарлоттенбургъ, гдѣ при самомъ даже вѣздѣ въ первую улицу того замка жилъ на кварширѣ одинъ полковый трубачъ, котораго Король зналъ довольно. Приказавъ вызывать онаго къ себѣ, велѣлъ онъ ему тошчасъ принести свою трубу и начать пробить въ нее тревогу, заславъ его при этомъ слѣдовать за собою чрезъ нѣсколько улицъ. Жившіе тамъ Конногвардейцы, услыша гласъ трубы той, бросились опрощью въ свои конюшни, начали немедленно сѣлать своихъ лошадей, и скакать потомъ благимъ махомъ одинъ за другимъ на парадное мѣсто того замка, на которомъ остановясь Король, взиралъ съ удовольствіемъ на все ихъ проворство. Когда уже все было тамъ въ наилучшемъ порядкѣ, и построившіеся рейшары ожидали только повелѣнія, что имъ дѣлать будетъ приказано, то прискакалъ туда же наконецъ одинъ пре-

старѣлый Конногвардсецѣ, и подѣвжая ко фронту, началъ между нѣмъ спрашивать довольно громко: „Что за чортъ! Да гдѣжъ пожаръ? Я шоропясь сюда, чухъ чухъ не сломилъ было шеи себѣ; а вмѣсто того ничево не вижу., Король, слыша слова его, сказалъ ему на то съ пріятною улыбкою: „*Мнѣ хотѣлось лишь посмотреть на васъ, проворны ли вы на лошадяхъ вашихъ.* „— „Вопъ еще не легкія какія зашѣи, продолжалъ говорить томъ рейшаръ. Я въ поле никогда не бывалъ послѣднимъ; здѣсь же нѣтъ въ томъ, право, нималой нужды: приучаешь къ этому хорошо вишь молодыхъ ребяшъ, а не такихъ спариковъ, каковъ я., — „Перестанешь ли ты болтать, вскричалъ на него попомъ съ сердцемъ Роммиспръ его *Посадовскій?* „ Но Король сказалъ оному на то: „*Пожалуй не трогай сего заслуженнаго старика; онъ говоритъ сущую правду. Впредъ нѣтъ тебѣ никакой нужды выѣзжать въ строй, когдабъ ни трубили тревогу; ты уже устарѣлъ и ухилѣлъ къ тому.*

За твое же искренное чистосердечіе,
вотъ тебѣ Фридрихсдорѣ, другъ мой!.,

Въ 1767^{мѣ} году, когда Король нахо-
дился при осмотрѣ своихъ войскъ въ
Силезіи, вышли въ повремя двое изъ
перваго баталіона его Гвардіи между со-
бою на поединокъ, изъ коихъ одинъ на-
зывался Нишtedтомъ, а другій Кейзе-
рэмъ, что на Нѣмецкомъ языкѣ значить
Императора. По окончаніи ихъ сраженія,
первый изъ нихъ отправленъ былъ въ
больницу, послѣдній же взявъ подъ спра-
жу. Сколь скоро возвратился Король
паки въ Потсдамъ, то томъ же часѣ
донесено ему было и о семъ произше-
ствіи, за что разгнѣвался онъ крайнѣ.
Кейзеръ сей попребранъ былъ немедлен-
но предъ Монарха, копорый, встрѣтя
оного съ весьма суровымъ видомъ, ска-
залъ ему потомъ: „Ей ты, Кейзеръ! Что
ты на проказничалъ тамъ? За твои шло-
сти вѣлю я наказать тебя жестоко., —
„Того то и не боюсь я, Ваше Величество,
отвѣчалъ на то Кейзеръ спокойнымъ

образомъ. — „Почему такъ, шалунъ, спросилъ у него Король съ вѣщимъ предъ прежнимъ воспоргомъ? — „Потому что Императоръ съ Королемъ Прусскимъ пребываетъ въ добромъ согласіи, и оба они между собою искренніе друзья, ошѣпсшвовалъ Кейзеръ. Король, разсмѣявшись по неволѣ при сихъ его словахъ, сказалъ ему наконецъ: „Императору не лѣзя однакожъ на вѣрно полагаются въ томъ на Короля Пруссаго, естли сдѣлаетъ онъ нѣчто дурное. Ну, добро! На сей разъ освобождаю я тебя безъ наказанія; только, смотри, берегись впередъ, чтобъ не досталось тебѣ потомъ вдвое, когда уже знаешь ты довольно мои мысли.,,

Одинъ изъ двенадцати Королевскихъ Лейбъ-егерей получилъ себѣ нѣкогда надзирашельское мѣсто надъ лѣсами въ . . . , кошораго, при осмошрѣ въ одно время войскъ Прусскихъ, удостоилъ Король своимъ посѣщеніемъ въ онаго домъ. „Ну, доволенъ ли ты нынѣ своимъ состояніемъ, спросилъ у него Король, при са-

момъ началъ своего разговора съ нимъ? — „Я благодарю за то Бога, отвѣчалъ на то Надзирашель, что Ваше Величество изволили мнѣ изъ милосердія пожаловать насущный хлѣбъ подъ старость; только — (При семъ словѣ пожалъ Надзирашель сей своими плечами.) — „*Чтожъ значитъ это только*, продолжалъ спрашивать у него Король? „*Мнѣ бы казалось, что тебѣ очень можно довольнымъ быть*„, — „Подлинно такъ, Ваше Величество, отвѣчалъ на то помянутый Надзирашель; но домишка ша мой такъ уже плохъ, что безпрестанно долженъ я спрашиться того, чѣмъ не опрокинулся оной, и не задавилъ бы меня самого„, — „*Въ этомъ помочь не могу я уже тебѣ болѣе*, сказалъ ему Король. *Тебѣ слѣдуетъ отнестись о томъ къ Курмаргеской Палатѣ въ Берлинъ*„, — „Я уже и такъ писалъ въ Палату сію шрожды; но и понынѣ не получалъ еще опшуда никакого отвѣта„, — „*Да, это не ловко! Да какъ же писалъ ты туда, скажи мнѣ, пожалуй*, спросилъ у него Король? — „Точно также,

отвѣчалъ Надзирашеля, какъ бы я писалъ и къ Вашему Величеству: то есть, Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Государь и прошчее, и прошчее. „—, „Такъ и на то еще нѣтъ тебѣ отвѣта, сказалъ Король?—
 Фридрихъ, прошедъ потомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по горницѣ, приказалъ наконецъ Надзирашелю подать перо, чернилъ и бумаги. „Начни теперь опять писать такъ же, какъ писалъ ты и прежде, продолжалъ говорить ему Король, то есть: Всепресвѣтлѣйшій и такъ далѣе; а я буду тебѣ сказывать. Его Величество, Король повелѣваетъ симъ Вашему Величеству непремѣнно все жилое строеніе такого то Надзирателя надъ лѣсами именно въ такомъ то мѣстѣ отъ сего числа впредъ въ четыре мѣсяца исправить какъ надлежитъ; въ противномъ же тому случаѣ, увѣряетъ съ своей стороны Его Величество Ваше Величество, что разсыплется надъ главою Вашею вся грозная туча. При сихъ словахъ пришелъ Надзирашеля сей въ крайнѣе замѣшательство, щипая,

что онъ непременно отъ того погибнуть
долженъ, потому что Палаша та поспави-
въ ему то самое не иначе, какъ въ со-
вершенное ругательство себѣ.— „Пожа-
луй оставь меня о томъ заботится,
продолжалъ говорить ему Король, обмо-
кни лишь только перо въ чернила, и по-
дай мнѣ сѣ представленіе. „ По учиненіи
того Надзирашелемъ тѣмъ, написалъ Ко-
роль на краю той самой бумаги: „Есть-
ли не увижу я, по возвращеніи моемъ
паки сюда, начала къ исполненію прозь-
бы Надзирателя, то не преминетъ съ
Вашимъ Величествомъ поговорить о
томъ лично самъ

Фридрихъ.,

Палаша, получа сѣ письменное про-
шеніе, не спала никакъ болѣе мѣшкавъ
надлежащимъ къ тому распоряженіемъ,
отправивъ шуда тотчасъ нарочныхъ лю-
дей за тѣмъ по почтѣ, такъ что Король,
возвращаясь паки въ то мѣсто, нашелъ уже
тамъ все во всякой готовности, къ про-
изведенію повелѣній его въ дѣйствіе.

Съ нѣкошорымъ гранодеромъ изъ перьваго башаліона Гвардіи, по имени *Булліонмъ*, а природою Италіянцемъ, шучиваль Король весьма часпо, чрезъ что самое учинился оный наконецъ чрезвычайно смѣлымъ: ибо, сколь скоро рожала лишъ его жена, то всегда подаываль онъ Королю просипельное письмо, убѣждая его онымъ бышь новорожденному у него мальчику воспріемникомъ, не смотря на то, что вмѣсто онаго бывала иногда и дѣвочка. Съ подобными сему прошеніями покушался онъ предъ Короля являшся споль часпо, сколь часпо не доставало лишъ у него денегъ. Въ одно время, предсталъ онъ паки предъ Государя съ шаковою же прозьбою, и просилъ онаго по обыкновенію воспріять у него отъ купели младенца. „*Поди, поди отъ меня прочь,*“ сказалъ ему на то Король; *твоя жена ничуть не брюхата, знаю я: пожалуй не ожидай отъ меня ничего.*“, Такимъ образомъ, принужденъ былъ *Булліонъ* на шомъ разъ идти ни съ чемъ домой; но

по нѣсколькихъ дняхъ появился онъ
опянь, говоря приномъ Королю: „Доро-
гой Кумонекъ, я имѣю нужду въ день-
гахъ, — „*Пошелъ прочь*, сказалъ ему въ
отвѣтъ Король, *у меня нѣтъ для тебя*
денегъ. „*Булмонъ*, не прогаясь однакожъ
съ мѣша, продолжалъ говоришь: „По-
меньшей мѣрѣ ссудите меня, Ваше Вели-
чество, хотя подѣ мое обязательство,
двумя червонцами: „ — „*Да съ собою ли*
у тебя оно, спросилъ у него Король?
— „Оно при мнѣ, Государь, отвѣчалъ
градодезь *пошѣ*. — „*Ну, такъ ииъ подай*
же его сюда, сказалъ ему Король. *Бул-*
монъ получилъ подлинно просимые имѣ
иѣ два червонца; а Король взялъ у него
къ себѣ его письменное обязательство.
Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотора-
го времени, когда уже со всѣми ино-
странными, состоявшими у него въ
службѣ вышелъ срокъ его съ ними усло-
вія, приказалъ Король подать себѣ о
всѣхъ таковыхъ людяхъ списокъ, и на-
шедъ тамъ въ числѣ прошчихъ имя *Бул-*
моново, спросилъ потчасъ у Фельд-

вебеля, представившего ему оный: „*Какъ? Развѣ у Буллиона есть обязательство?*“, — „Есть, Ваше Величество, отвѣчалъ на то Фельдвебель. Король не преставаѣь однакожъ ушверждать, что у него онаго нѣтъ; а дабы подшвердить то еще болѣе, то позванъ былъ и гранодеръ шотъ шуда же. Король спросилъ потомъ паки Фельдвебеля: „*Какъ давно служитъ онъ?*“, — „Двадцать четьыре года, Ваше Величество, отвѣчалъ оный. — „*Чему подвергаетъ себя тотъ солдатъ, который закладываетъ собственное свое обязательство, продолжалъ спрашивашъ Король у Фельдвебеля?*“, — „Двадцать четьыре раза пробѣжашъ сквозь строй, и лишенъ бытъ всѣхъ правъ по сему обязательству, отвѣчалъ Фельдвебель. — „Ну! Господинъ Фельдвебель, спросилъ потомъ *Буллионъ*, подступя по ближе къ оному, скажижъ мнѣ шеперь, что заслуживаетъ шотъ, который подъ таковое обязательство ссужаетъ деньги?“, — Король, не могши удержашся отъ смѣха при таковомъ вопросѣ, при-

знался, что и онъ не правъ съ своей стороны также. „Нажѣ инѣ возьми назадъ свое обязательство, сказалъ ему пошомъ Король, только впредь не подѣзжай ко мнѣ, пожалуй, съ такими финтами.,,

Не всегда впрочемъ упускалъ охотно Король каждому всякія шушки; а наипаче шакія, кои пресступали предѣлы должнаго къ нему уваженія. Въ нѣкошорое время приказалъ Король бытъ въ Пошсдамъ четверымъ театральнымъ плясунамъ, пошому что ожидалъ онъ шуда многихъ гостей, для кошорыхъ нарочно приугошовлено было именишное торжештво; и какъ оныя, по прибытіи ихъ шуда, должны были непременно пропишашъ у городскихъ воровъ свои имена, то вздумалось имъ шогда стоявшему тамъ на караулѣ Уншеръ-офицеру, вмѣсто настоящихъ своихъ именъ, пересказашъ начальныя строки извѣстной старинной Французской пѣсни. Чего ради, одинъ изъ нихъ назвалъ себя *ma com-
mere*, другій *quand je danse*, третій

mon cottillon, а четвертый vat' - il bien. Уншеръ-офицеръ шотъ не преминулъ записатьъ отъ слова до слова все то, что лишь ни сказывали ему Господа сїи. Король, получа между шѣмъ въ вечеру рапортъ отъ сего Уншеръ-офицера, хопя и смѣялся шаковымъ запѣямъ сихъ пропишиковъ; но велѣлъ однакожъ сказать имъ: „Что естѣли впредь вздумаютъ они когда либо пошутить съ нимъ такимъ же образомъ, то онъ заставитъ ихъ всѣхъ проллясать прямо въ Сланду.“

Не безъизвѣстно то, что Фридрихъ ошлично отъ всѣхъ прошчихъ собакъ жаловалъ наипаче родъ борзыхъ: нѣкоторыхъ изъ его любимѣйшихъ держалъ онъ всегда при себѣ; а другїя напрошивъ того препоручены были подъ особый присмотръ придворнаго ловчаго и предшавляемы Королю шокмо тогда, когда бывало угодно ему то приказывать. Однимъ вечеромъ вздумалось Королю для забавы сыграть шутку; чего ради, приказалъ онъ шому ловчему всѣхъ

сихъ собакъ собравъ привести къ себѣ въ покой, дабы нарочно хорошенько ихъ шамъ попошчивашъ. *Діянна*, молодая и весьма рѣзвая изъ всѣхъ оныхъ собака, была первая около блюда: она, схватя пошчасъ цѣлую зажареную курицу, вскочила съ нею къ Королю на колѣни, и потомъ на столъ, на кошоромъ обыкновенно писывалъ Король, гдѣ положила она весь свой великолѣпный ужинъ на самое то письмо, кошорое только что окончалъ тогда Король къ бывшему въ то время въ Шпешинѣ Ландрапу *Гиднеру*, коего почиталъ онъ весьма много за великія его знанія и особенное праводушіе. Вся та бумага запачкалась томъ же часъ ошъ сала, чему смѣючись Король, сказалъ припомъ: „Пошла прочь, *Діянна*! Ты напоминаешъ только мнѣ о томъ, чтобъ я по жирнѣе сдѣлалъ письмо; а до того тебѣ нѣтъ дѣла, что мнѣ то стоитъ денегъ. Пошла, пошла долой!“, Послѣ того взялъ Король паки перо, и написалъ еще на краю онаго письма слѣдующее:

„Любезный Ландратъ! Письму сему должно и надобно быть, по видимому, жирну; слово слово таковымъ, каковымъ оно есть теперь подлинно. Моя Діанна напаламятовала мнѣ о томъ; чего ради, прими, пожалуй, прелровождаемые при семъ 100 Фридрихсдоровъ отъ доброжелательнаго своего Короля

Фридриха..

Въ перьвомъ баталіонѣ Королевской Гвардіи находился одинъ Порупчикъ, по имени, *Борнъ*, который нерадивъ былъ до того къ службѣ, что не выходилъ почти то за то, то за другое упущеніе въ своей должности изъ подѣспражи, такъ что, соскуча наконецъ шѣмъ, рѣшился онъ нѣкогда подать самому Королю письменное прошеніе, которымъ просилъ перемѣспинъ его въ какой ни есть армейскій полкъ Капитаномъ. Король, читая оное, и смѣючись тому, подписалъ на семъ своеручно слѣдующее:

„На круѣ сей земли,
 Никто добра о насъ обихъ не услышетъ;
 Порутихъ Борхъ внемли,
 Все это подлинно съ досадою къ тебѣ лишетъ
 Фридрихъ.,,

Бывшій при Королѣ Камеръ-лакѣмъ *Миллеръ*, сидя нѣкогда въ прихожей горницы подлѣ Королевскаго покоя, читалъ книгу подъ названіемъ о Орлеанской Дѣвѣ. Король, вошедъ шуда совсемъ нечаянно, и увидя его шѣмъ занимавшимся, спросилъ потчасъ у *Миллера*: „Что ты тутъ дѣлаешь съ эпимъ безмозглымъ враньемъ?,, — „Ваше Величество, отвѣчалъ на то *Миллеръ*, такъ по этому шворецъ оной книги не имѣлъ у себя во все мозга?,, — „Прямой ты невѣжа, какъ вижу я, сказалъ ему потомъ Король; ты судишь о томъ такъ, какъ слѣпой окра-скахъ., При окончаніи сихъ словъ пошелъ *Миллеръ* изъ покоя вонъ, и идучи опшуда, сказалъ пришомъ Королю: „Я вижу то и вправду, Ваше Величество, что онъ одного слова родятся напоследи многія; а отъ спора съ Вами я прочь, по-

тому что Вы все таки одержите всегда
 надо мною верхъ.,, Послѣ того вышелъ
 онъ поспѣшно изъ той горницы вонъ, и
 побѣжалъ опромешью, поючи про себя,
 внизъ по лѣсницѣ. Вскорѣ потомъ при-
 шелъ къ Королю Полковникъ *Квинтусъ*,
 которому рассказалъ Король, смѣючись,
 все сіе происшествіе, присовокупя еще
 къ тому слѣдующее: „*Подлинно Мил-
 леръ* преблагополучное твореніе, говорилъ
 Король *Квинтусу*! Какую бы правду ни
 говорилъ лишъ я ему, онъ все тому
 смѣется; и какъ бы ни бранилъ я его за
 что, онъ только что поетъ себѣ; а все для
 того, что не хочетъ входить со мною въ
 споръ. Ахъ! Естьлибъ весь свѣтъ мыслилъ
 противъ меня столь же миролюбиво.,,

Сей же самый Камеръ-лакѣй *Миллеръ*
 долженъ былъ подать Королю нѣкогда
 полный стаканъ воды; когда Король при-
 нялъ онъ него онъ, то въ самое то
 время вошелъ къ Королю въ покой Пол-
 ковникъ *Квинтусъ*; а лакѣй вышелъ ме-
 жду тѣмъ опшуда вонъ. „Хорошо, что

ты пришёл теперь сюда, сказалъ Король, увидя сего Полковника: я дамъ тебѣ прочитать для меня нѣчто., Король, схватя пошомъ лежавшую на сполѣ бумагу, дабы подать ее *Квинтусу*, здернулъ пришомъ на полъ и спаканъ съ водою, который онъ поставилъ самъ незначай на самую ту бумагу. По восполѣдованіи того, кликнулъ Король пошчасъ опять къ себѣ *Миллера*, и началъ его бранить жестоко за великую онаго неоспорожность въ пошановленіи шакъ спакана, что оный могъ легко унасть со спола. Когда же *Миллеръ* покусилъ было говорить тогда нѣчто въ свое оправданіе, то Король, прогнѣвавшись еще пуше, сказалъ ему съ сердцемъ, чтобъ онъ немедленно вышелъ вонъ. *Миллеръ*, повинуясь сему приказанію, пошелъ ошшуда поспѣшно въ крайнемъ уныніи. Но *Квинтусъ*, не хотя оставить далѣе ошомъ въ сомнѣніи, осмѣлился съ своей сптороны предложить Королю всю истинну шого случая: „Ваше Величество, сказалъ онъ, простите мнѣ великодушно мою

въ помѣ дерзости, ссѣли осмѣлюсь я
 подтвердишь теперь то самое, что Вы
 Сами изволили поставишь точно на это
 мѣсто стаканъ съ водою.— „Не впрямъ
 ли это такъ, спросилъ у него Король
 съ удивленіемъ? — „Подлинно такъ, от-
 вѣчалъ Квинтусъ. — „Ну, такъ по этому
 крайнѣ же я обидѣлъ бѣднаго Миллера,
 сказалъ Король. Вели, пожалуй, войти
 ему опять сюда., — „Слушай, продол-
 жалъ говоритъ Король Миллеру, теперь
 узналъ я, что я самъ поставилъ тутъ
 стаканъ съ водою; итакъ, ты ничуть
 не виноватъ въ томъ. Да полно для че-
 го жъ не сказалъ ты мнѣ того потчасъ?.,
 — „Ваше Величество, отвѣщивовалъ на
 то Камеръ-лакѣй, я сказалъ Вамъ лишъ
 только, что это произошло отъ одной
 неосторожности., — „Ты, совершенно
 правъ, повторилъ ему паки Король, улы-
 баясь притомъ. Самъ я, подлинно, не
 остерегся въ томъ; слѣдовательно, мнѣ
 не на тебя, а на самого себя должно
 сердиться за то.,

Продолженіе Писемъ
 Ф Р И Д Р И Х А II^{го}
 къ Маркизу д'Аржану.

Письмо 26^е.

Въ письмѣ Вашемъ, любезный мой Маркизъ, изволише Вы забавляясь надъ моими куріерами. Нещасіе то, правда, что не все печепѣ такъ поспѣшно, какъ бы хошѣлось мнѣ того, по истиннѣ. Съ Россіянами заключили мы уже миръ, что для меня весьма полезно въ самой вещи; но полно миръ сей попрепятствоваль съ другой стороны вмѣсто того моимъ дѣламъ въ Константинополѣ. Къ тому пошребно, подлинно, весьма многого, чшобъ довести шолико умовъ подъ одно ярмо, а наипаче, чшобъ согласить другъ съ другомъ споль многія прошивообразныя между собою выгоды. Всѣ вообще пекутся о согласіи, все время проходитъ въ томъ, а мы не можемъ между тѣмъ выкорачаться вовсе изъ хлопотъ. Сверхъ

того, Татары не менѣ также готовы къ походу, коихъ всегда до ста тысячъ полагаешь слѣдуешь; къ тому же и того чаяешь надобно, что и прочія не преминушь также послѣдовать, сколь скоро лишь заманишь сихъ во всю игру.

Образъ мыслей Вашихъ похваленъ, истинно; но къ тому потребны полно всемъ особия средства, какъ употребишь оный съ пользою. Главное затрудненіе состоишь болѣе въ томъ, чтобы сократить лишь противную силу; прочее же все легко можно исполнить. При всякомъ мысленномъ расположеніи шагаютъ обыкновенно люди весьма поспѣшно, любезный Маркизь, знаю я; но сколь скоро надобно будетъ произвести то самое въ дѣйство, то сплошь идетъ все чрезъ чуръ медлительно, по елику на пути семъ встрѣчаются тысячи различныхъ затрудненій. Чего ради, предаю я себя охотно произволу судьбы, которая управляетъ всемъ свѣтомъ по своей волѣ: ибо, полишки и ратоборцы, обои вкуцъ, суть настоящія шокмо на

проволокѣ устроеныя куклы Провидѣ-
 нія, предпочтеніемъ коихъ предъ всемъ,
 яко необходимо, нужныхъ дѣйствующихъ
 орудій невидимой Мышцы, не вѣдаемъ мы
 сами, что дѣлаемъ; потому что самое
 послѣдствіе всѣхъ нашихъ стараній бы-
 ваетъ нерѣдко прямо противнымъ всему
 нашему ожиданію. Слѣдовательно, я пре-
 доспавляю дѣламъ свободное во всемъ
 теченіе, какъ угодно Всевышнему, рабо-
 таю въ поштемкахъ, и стремлюсь упо-
 треблять съ пользою всѣ благопріятныя
 случаи, сколь скоро лишь появляются
 оныя. Впрочемъ, Чернышевъ находить-
 ся уже на пупи, дабы соединился ему
 со мною. Нашъ же походъ воспріиметъ
 начало свое не прежде, надѣюсь, какъ
 въ концѣ развѣ сего мѣсяца; но тогда шю,
 думаю, произойдетъ въ бѣдной Силезіи
 прекрасная пошѣха. Короче сказать,
 любезный Маркизъ, я имѣю теперь предъ
 собою прѣспрудную и прѣтяжкую работу,
 да и шуть еще не лзя ушвердительно
 того сказать, какой именно оборотъ
 возымѣетъ наконецъ все шю. Ишакъ,

помолишесь, пожалуйте, за насъ попри-
лѣжнѣе, и не испребляйте изъ памяти
Вашей крайнѣ несчастнаго бѣдняка, кото-
рый подѣ броней своею спраждаетъ не-
сказанно, препровождаетъ жизнь на по-
добіе нѣкогого осужденника, и не смотря
на все то, чинишь и любишь Васъ все-
гда искренно. Прощайте между шѣмъ.

Одѣ 8 Іюня 1762 года.

Письмо 27^е.

Естьлибѣ, объясняясь мнѣ Вамъ, лю-
безный Маркизъ, о всемъ томъ, что ни
происходило лишѣ на Воспокѣ, нѣсколь-
ко попроспраннѣе, то увидѣли бы Вы,
можешъ бынѣ, что я дѣйствительно
имѣлъ причину о томъ думать, что и въ
шѣхъ спранахъ можешъ легко шакже по-
слѣдовать нѣчто хорошее. По истиннѣ,
не все еще потерено совсемъ, и мнѣ ос-
тается еще при томъ довольно надежды.

Часть IX^а. Д

Татары находясь, какъ сказываютъ, на всемъ уже ходу, и ошъ того то самого льшу я себя по меньшей мѣрѣ тѣмъ, что Ханъ оныхъ не оставишъ снабдить меня около 20000 человекъ вспомога- тельнымъ войскомъ. Въ Константино- полѣ произвели между тѣмъ Янычары страшное возмущеніе; всѣ они мыслятъ за одно съ верховнымъ Визиремъ, такъ что, при отправленіи отсюда ко мнѣ письма, превращена уже была осьмая до- ля города въ пепелъ, и за тѣмъ все еще не преснавало пламя пожирать всего. Вы су- дите однакожъ довольно справедливо, ко- гда говорите, что всѣ наши умствованія о грядущихъ временахъ и всѣ политиче- скія заключенія о томъ ничто иное суть, какъ одинъ лишь пустыя записи. Но кто полно можетъ обстоятельствомъ о томъ судить меня, того самого, который, бывъ дѣлая шесть лѣтъ сряду непре- рывнымъ игралищемъ всѣмъ политиче- скимъ бѣдствіямъ въ Европѣ, находясь на самомъ почти краю своея погибели, хоша и сохраненъ понынѣ нѣкою чудо-

творною силою, при всемъ томъ одинакожь видишь подверженнымъ себя паки новымъ еще опасностямъ? Всего того, что ни происходитъ лишъ теперь въ предѣлахъ Россіи, не могъ никакъ предвидѣть Графъ Кауницъ; и всего того, что ни произошло въ Англіи, изъ чего худшаго не знаете Вы вовсе, не въ силахъ былъ и я, при расположеніи въ мысляхъ моихъ различныхъ намѣреній, помыслишь даже; а изъ того и слѣдуетъ наконецъ, что каждый почти изъ Правителей Государства во времена мятежа жестоко бываетъ обманутъ. По симъ то самымъ причинамъ спановится для меня сплошь прошивною, по истиннѣ, сія тщетная и безплодная работа, и пошому по самому оживотворяется, такъ сказать, во мнѣ вся любовь къ наукамъ, кои могутъ занимать насъ среди пріятной тишины и среди владычествующаго мира, несравненно болѣе, нежели прежде. Ибо, каждый ученый человѣкъ имѣетъ всегда предъ собою нѣкіе предмѣты, а полипикъ напротивъ того почти никогда никакихъ.

30 числа соединяшся между тѣмъ съ нами Россіяне; прибытіе оныхъ содѣлаеиъ совершенный конецъ всему нашему бездѣйствію. Тогда шо покушусь я снова паки предпринимаиъ великія чудеса прошивъ всѣхъ имѣющихъ произойти изъ того неминуемыхъ опасностей: по елику сіе есиъ седьмое, такъ сказать, дѣйствіе плачевной нашей трагедіи. Признаюсь Вамъ, Маркизъ, штука сія наскучила уже мнѣ своимъ продолженіемъ съ лишкомъ много: Россійскій Императоръ сдѣлааъ къ пресѣченію оной приступъ; а мнѣ должно спарашся распушатиъ весь ея узелъ, дабы всей сей вещи учиниъ какъ можно лучше окончаніе. Теперь занимаеиъ меня великое множество разныхъ встрѣпившихся со мною необходимо нужныхъ учрежденій: все слѣдуетъ непременно приготоваиъ, и все надлежииъ предусмотрѣиъ впередъ, что лишъ сдѣлаиъ можно при таковыхъ обстоятельсвахъ. Присовокупяиъ къ тому всю расшоропность, съ каковою нынѣ производяиъ всѣ касательные до того пере-

говори, можете Вы свободно изъ того судить о всѣхъ вообще заботахъ, безпокойствахъ, трудахъ, спящихъ мнѣ, и о самомъ бремени, лежащемъ на бѣдныхъ моихъ раменахъ. Короче сказать, любезный мой Маркизъ, мы весьма уже близки къ тому, отъ чего зависитъ все рѣшеніе сего самаго похода и всей оной войны: инакъ, подобаетъ вооружиться теперь однимъ лишь перпѣнемъ, по елику отъ насъ самихъ менѣ всего зависитъ то, что имѣетъ послѣдовать при семъ случаѣ. Впрочемъ, будьте спокойны, пишите ко мнѣ почаще, и полагайтесь всегда на мою къ Вамъ истинную дружбу.

Отъ 19 Іюня 1762 года.

Письмо 28^e.

У меня, право, нѣтъ столь прекрасной и столь расщепренной преузорочною по краямъ живописью бумаги, любезный мой Маркизъ, что самое дѣ-

лаетъ всѣ письма Вашихъ единоплеменнѣвъ
 столь пріятными; а не то упошребилъ
 бы конечно и я также подобную тому,
 дабы равномерно оповѣчать Вамъ съ моей
 стороны. Слѣдственно, не посѣшуйте
 на меня теперь за то, что я опишу
 Вамъ на этой проспой бумагѣ все то,
 что здѣсь ни происходитъ. Вы узрите
 путь насъ паки въ самомъ томъ лагерѣ,
 въ которомъ мы и въ прошедшемъ году
 обрѣшались столь долгое время; на-
 стоящее наше намѣреніе состоятъ на-
 ипаче въ томъ, чтобъ ворваться во вну-
 тренность горъ, дабы зайти чрезъ то
 удобнѣе съ тылу Фельдмаршалу *Дауну*,
 и принудить его возвратиться назадъ
 въ Богемію. Сколь много пощасливить
 намъ то, того я не знаю; однакожь безъ
 того нельзя намъ обойтись никакъ. Не
 мало, по истиннѣ, предпріятіе сіе,
 чтобъ умѣть выпѣснить совсемъ иску-
 снаго Генерала изъ наивыгоднѣйшаго по-
 ложенія, устроенаго имъ для себя сна-
 чала. Но безъ сомнѣнія щасливая плане-
 та поможетъ намъ въ томъ много; при

всемъ томъ однакожъ, все еще не можно полагаться на то сильно.

Вы пребуеете отъ меня между прочимъ извѣстія о Татарскомъ Ханѣ: на оное скажу я Вамъ пожъ самое, что и мнѣ объявлено; то есть, что онъ шлетъ уже ко мнѣ свои войски; письмо о томъ писано ко мнѣ отъ 11 Іюня. Сія неожиданная перемѣна исполнится впрощемъ гораздо позже, нежели я чаялъ; но не смотря на то, возъмѣетъ она во всякое время свое дѣйствіе. Нашъ же миръ и союзъ съ Россією сколь ни прекрасны съ одной стороны, однакожъ при всемъ томъ произвели они съ другой стороны немалую перемѣну въ добрыхъ намѣреніяхъ Восточныхъ жителей. Итакъ, теперь то услышать можно, воспользуясь ли отъ того самаго всѣ наши непріятели, или нѣтъ: ибо, вся полишика, любезный Маркизъ, опочѣетъ на совершенно зыблущей подпорѣ; такъ что, по истиннѣ, ни на чемъ нельзя утверждаться дословѣрно; а пошому то самому и прошивна она мнѣ крайнѣ. Всѣ вообще

бѣдствіи прошлаго года и всѣ опустошеніи, учиненныя множайшимъ Провинціямъ купно со всякаго рода злодѣшствіями, встрѣчавшимися со мною, содѣлали меня ко всѣмъ въ мірѣ вещамъ несравненно философственнѣе и равнодушнѣе самаго *Сократа*; вскорѣ доведу я то, думаю, до совершенной безчувственности. Время уже, подлинно, любезный Маркизъ, прекратишься совсемъ войнѣ сей: понеже негожусь я ни къ чему болѣе, жаръ мой измѣняется, силы мои истощеваютъ, и я влачу лишъ, такъ сказать, остатокъ дней моихъ: при таковыхъ обстоятельствевахъ можно, по истиннѣ, скорѣе сдѣлаица добрымъ опшельникомъ отъ суеты мірской, нежели бытъ полезнымъ болѣе свѣшу.

Впрощемъ, скажу Вамъ также, что Принцъ *Фердинандъ* одержалъ знаменитое преимущество надъ Французами, что для меня весьма пріятно. Но охотнѣебы однакожъ желалъ я видѣшь, чтобъ побѣда сія была порѣшишельнѣе нѣскольکو:

ибо, за вычетомъ 4000 изъ 80000
 осмается все еще 76000 человекъ; бо-
 лѣе нежели много для Принца *Фердинан-*
да, кошорый не болѣе съ своей сторо-

ны 50000 прошивопоставить имъ мо-
 жетъ; но онъ выигрываетъ вмѣсто того
 шѣмъ время, и самый сей ударъ содѣлы-
 ваетъ совершенно *Суонса*, нарочито
 искуснаго Генерала изъ всѣхъ бывшихъ
 во Франціи, робкимъ и безнадежнымъ.
 Между шѣмъ, милый мой Маркграфъ
Карлъ преславился: я крайнѣ прискор-
 бенъ о томъ, испинно; потому что
 оный былъ наичеспѣйшій человекъ въ
 свѣшѣ. Всѣмъ намъ однакожъ должно не-
 премѣнно бытъ нѣкогда паки его сопова-
 рищами въ преисподней; прежде ли чемъ,
 или позже чемъ нѣсколько, все то рав-
 но. Ишакъ, будьте здоровы, любезный
 мой Маркизъ; не урѣжайте писать ко
 мнѣ, и полагайтесь на всегдашнюю мою
 къ Вамъ благосклонность.

Изъ Бундэльвида отъ 4 Іюля 1762 года.

Письмо 29^е.

Искусство въ догадкѣ имѣеть свои предѣлы, любезный мой Маркизь, и будешь имѣть оныя пошудова, покамѣсьшь лишь имѣешь пребываешь свѣтъ. Употребляешь себя въ томъ приличнымъ образомъ, и предославляешь всѣмъ вещамъ свободное печеніе, есть, по истиннѣ, единое токмо благоразумнѣйшее дѣло, которое осмѣается намъ исполнять всегда. Теперь подтвердите Вы сами то, думаю, что я говорилъ тогда сущую правду, когда я старался опровергать всѣ тѣ попеченія, кои преоброули чрезъ общенародныя извѣстіи къ себѣ всякую досповѣрность. Мы претерпѣвали, по справедливости сказать, сноль долго разнаго рода прошивобрствіи, что все даже людское общество содѣлалось нынѣ совершенно въ томъ легковѣрнымъ, полагая, что страхъ предузнаетъ яко бы всякое случающееся нещастіе; но полно не случается вмѣсто того ни того ни

другаго, то есть, ни устрашаемаго зла, ни чаемаго добра; а чѣшбъ утѣшишь Васъ паки нѣсколько, то скажу Вамъ, что предпріятіе мое на Швейднищъ идетъ по сѣ время все весьма удачно: еще одинадцать благополучныхъ дней потребно намъ къ тому, дабы преодолѣть совершенно все сѣ шрудное искушеніе. Написалъ бы я Вамъ впрощемъ премножество еще любопытныхъ новостей; но повременю однакожь шеперь шѣмъ немного пошудова, покамѣсѣ не падетъ легковѣріе Ваше на удачныя какія либо произшесшвіи. Ишакъ буду я ожидать того, что Вы пишашъ ко мнѣ спанете, чѣшбъ соопвѣшествовать соразмѣрно Вашимъ желаніямъ; а за шѣмъ прощайте, любезный Маркизъ. Будете здоровы между шѣмъ; яжъ успалъ уже, право; дряхлосѣ моя дѣлаетъ мнѣ всякій шрудъ несравненно несноснѣ предъ прежнимъ. Чего ради, пишите Вы ко мнѣ, и не сомнѣвайшесъ никакъ въ моеѣ къ Вамъ всегдашней искренности.

Изъ Петерсвальда отъ 15 Августа 1762 года.

Письмо 30.

Вы познаете уже довольно изъ моихъ стиховъ, что я мыслю о почтаряхъ, коихъ видите Вы прѣзжающими въ Берлинъ. Не безъ того то впрощемъ, чтообъ не порадовашся тому охотно, естли видишь себя избавленнымъ отъ нѣкоего величайшаго нещастія; но полно, шитая отъ самой сей почки до самаго центра благополучія, всема еще далече, любезный мой Маркизь; и говоря съ Вами о всемъ откровенно, должно намъ непременно, думаю, преодолѣть еще одно страшное препятствіе, прежде нежели завладѣемъ мы паки Швейдницею. По всѣмъ обстоятельствомъ судя, выдешъ то шакъ, какъ угодно самому случаю, или судьбѣ, либо Провидѣнію: ибо, по истиннѣ, всѣ сїи шри вещи, или одна изъ нихъ которая имѣетъ болѣе участія въ происходящихъ въ свѣтѣ приключеніяхъ, нежели вся человѣческая осторожность. Ишакъ, предославляю я

Вамъ однимъ на сію темную и непроницаемую матерію дѣлать Ваши небольшія философическія разсужденіи; учиняжъ въ томъ какое либо удачное изслѣдованіе, сдѣлаете Вы мнѣ шѣмъ немалое удовольствіе, когда удѣлите и мнѣ о томъ нѣчто. Между шѣмъ однакожъ, прошу Васъ, любезный мой Маркизъ, не забывать и меня также.

Изъ Петерсвальда ошѣ 19 Августа 1762 года.

Письмо 31.

Изъ всѣхъ, по истиннѣ, щитаю я Васъ, Маркизъ, безъ всякаго прекословія наилучшимъ за то, что Вы изволили препровождать ко мнѣ столь прекрасныя и столь искусно позлащенные и переплетенныя книги; такъ что ничего не недостаеъ при томъ, подлинно, Возлюбленный мой, кромѣ единаго лишъ въ оныхъ содержанія, которое само по себѣ ничего не значить, и не стоить

совсемъ шаковаго наряднаго снаряда; при всемъ томъ, благодарю я Васъ за толикую ко мнѣ благосклонность, а наипаче, за содержаніе меня въ Вашей памяти. Я желаю впрощемъ и книгопродавцу также всякаго успѣха, дабы онъ могъ сыскать случай збыть удачно съ рукъ все свое писаніе въ Россіи; между тѣмъ однакожъ, оставя шушки въ сторону, меня почтущъ еще тамъ, можетъ быть, хорошимъ Французскимъ Стихотворцемъ. Не сочли ли полно и Вы, присылкою ко мнѣ шого, нѣкимъ то воздаи́емъ мнѣ за осаду Швейдница? Есть ли то шакъ, то въ томъ ошибаетесь Вы крайнѣ, Любезный мой: ибо, я споль же неискусенъ въ завоеваніи крѣпостей, какъ и въ составленіи стиховъ. Нѣкто по имени *Грибофалъ*, кошорый не разумѣетъ никакихъ шушокъ вовсе, и при томъ 10000 Австрійцевъ задерживающъ насъ и понынѣ даже. Но не смотря на то, скажу я Вамъ теперь, что какъ Начальникъ сей, шакъ и все онаго охранительное войско находящая уже при послѣднемъ

ихъ издыханіи, и вскорѣ, чаю, попре-
буютъ себѣ соборованія. Мы спюимъ всё
около палисада, такъ что единый шок-
мо подкопъ, копорый непремѣнно въ
теченіи четырехъ дней имѣешь бышь
взорванъ, ошкроешь всему дѣлу конецъ,
и учинишь страшный проломъ въ крѣ-
постномъ загражденіи, чѣмъ самымъ кон-
чишься и вся сія тяжкая работа. Люди
сїи знаютъ что довольно, что положено
уже сдѣлать ихъ всѣхъ военноплѣнными;
и пошому что самому вознамѣрились онѣ
стоятъ упорными до послѣднихъ сво-
ихъ силъ, въ чѣмъ, признаюсь, и хвалю
я ихъ весьма много.

Къ крайнему моему впрошчѣмъ утѣ-
шенію слышу я, что Господинъ Босообръ
намѣренъ распространить имянишѣй-
шій свой родъ, какъ видно, по тааголу
Божію всѣмъ нашимъ прародишелямъ,
гласящимъ тако: „ПЛОДИТЕСЯ, РАС-
ТИТЕСЯ И НАСЕЛЯЙТЕ ЗЕМЛЮ.“ А
чтобъ во все вдаваться, къ чему лишь
ни опредѣлишь его, насъ и всѣхъ вообще,
сколько ни есть соучастствующихъ въ

дѣлахъ нашихъ, случай, по спану и
 ожидать терпѣливо мира и соучастія
 его любовной спраси и онаго намѣре-
 нія. Мнѣжъ кажется, любезный Маркизъ,
 что миръ сей послѣдуешь точно. Не
 уже ли эта загадка темнѣе того самаго
 вопроса, который предложенъ былъ нѣ-
 когда нѣкимъ чудовищемъ Оивиямъ!
 Вся нынѣшняя полишка въ Европѣ есть
 сущій лабиринтъ, такъ сказать, гдѣ
 конечно всякому легко заблудиться мож-
 но: я бы и самъ покусился впускаться,
 можетъ быть, нѣсколько въ оную; но
 полно спрашусь того, чтобъ мнѣ не ли-
 шиться попомъ совсемъ духа бодрости,
 и для того по самого, слѣдственно, че-
 ломъ ябью обоготворяемой сей нечаянно-
 сти, охранительной заслупницѣ всѣхъ
 несмысленныхъ невѣждъ. Впрочемъ,
 есшьли по правда, что Агличане завое-
 вали Гаваню, то заключають они непре-
 мѣнно съ Испанією и со Францією со-
 всемъ особаго рода союзъ. Самое сіе по-
 служитъ концемъ всему тому; а я между
 тѣмъ буду лишь съ наиупрямѣйшею Ко-

ролевою слоняшся вокругъ столь долго, покамѣшъ не истощится наконецъ весь ея кошелекъ; и тогда то уже развѣ сдѣлаелся она миролюбивою Государынею въ Европѣ. Таковыми сущь точно, любезный мой Маркизъ, всѣ почти величайшіе Обладатели вселенной. Честолюбіе угрызаешъ ихъ сплошъ подъ личиною блестящаго наружнаго благочестія и безпримѣрной любви къ миру. Во всежъ время продолженія войны сей показывала себя Королева шаковою лишь шокмо; но я думаю, что многія не спанушъ уже полагашся болѣе на ея слова ни въ чемъ, а наипаче тогда, когда вздумается ей паки пущать свѣшу пыль въ глаза.

Малорослаго *Бособра* нахожу я несравненно умнѣе въ томъ: онъ собираешся населишъ паки свѣшъ, который опустошила было уже совсемъ война; да и во всякомъ ученомъ похваляю я то весьма много, когда лишъ мыслишъ онъ о размноженіи человѣческаго рода: ибо, гораздо лучше производить на свѣшъ

Часть IX^а.

Е

дѣшей, нежели издавать дурныя книги. Яжѣ, напрошивъ того, негожусь ни къ тому ни къ другому. Между тѣмъ одинакожѣ, готовлю я уже почтарей, коихъ льщусь скоро препроводишь прямо къ Вамъ съ тѣмъ, чѣтобъ повѣстивъ Вамъ о благополучномъ произшествіи, кое я съ нынѣшняго почти дня начинаю почищать уже досповѣрнымъ. Вспоры откроясь безъ сомнѣнія новыя хлопоты; только оставимъ лучше шеперь о томъ думать, и не безпокая себя съ лишкомъ о будущемъ, забудемъ по тѣхъ мѣстъ всѣ затрудненія, покуда не встрѣяшся онѣ паки съ нами. Это будетъ прямо по философски, любезный мой Маркизъ. Вы видите, слѣдственно, ясно всѣ мои къ тому приступы даже; но и всякъ другій сдѣлался бы конечно, думаю я, также, какъ и я, вторымъ *Маркомъ Авреліемъ*, естлибъ только былъ онъ во всѣ сіи семъ походовъ непрерывно играю случаевъ и посмѣшищемъ всѣхъ превосходныхъ силъ. Но симъ самымъ причинамъ и по неволѣ сдѣлаешься философомъ; но

полно образъ учинишся таковымъ, не принадлежишь ничуть къ настоящему дѣлу; бышь шѣмъ самымъ, всякому не дурно. Итакъ, пребывайте благополучнымъ, мой любезный, мой обожаемый Маркизь. Будьте спокойнымъ, и ожидайте того съ равнодушіемъ, что то самое, чего и самъ не знаю я, которое издѣвается всячески надъ суешными намѣреніями смертныхъ и учреждаетъ все совсемъ нечаемымъ образомъ, предопредѣлило уже намъ. Въ заключеніежъ всего, поклонись, пожалуйте, отъ меня прекрасной Вашей Лисынькѣ.

Изъ Петерсвальда отъ 6 Сентября 1762 года.

Письмо 32.

По истиннѣ, должно мнѣ весьма много извиняйся предъ Вами въ томъ, любезный Маркизь, что я предрекалъ Вамъ съ шолкимъ удостовѣреніемъ о окончаніи нашей осады, имѣющейся случиться

12 числа сего мѣсяца. Все еще занима-
 емся мы и понынѣ осадою; проклятые
 подкопы задержали насъ очень долго. Те-
 перь завладѣли мы предѣлами покрыша-
 го пуши; а какъ тѣмъ самымъ пресѣк-
 лось уже все величайшее затрудненіе,
 то, чаятельно, что и все прошчее пойдѣтъ
 попомъ поспѣшнѣ. Мы должны
 нынѣ употребить цѣлыя шесть недѣль
 ко вторичному завладѣнію такой крѣ-
 посты, которую потеряли мы въ два
 часа. Поступокъ сей не отношится ни-
 мало къ чести всего нашего искусства,
 или всей нашей бодрости. Я самъ даже
 прибылъ сюда съ тѣмъ нарочно, чтобъ
 сколько можно попорочишь нашими ра-
 ботами, и довести все сіе дѣло какъ наи-
 скорѣе къ концу. Итакъ, никакъ не хочу
 я впредь болѣе быть пророкомъ, а паче
 опредѣлять когда либо самое время зда-
 чи; но думаю, что она продлится еще,
 безъ сомнѣнія, нѣсколько дней. *Грибо-*
фалово благоразуміе защищаетъ мѣсто
 сіе несравненно болѣе, нежели все му-
 жество Австрійцевъ. Повседневнѣ дѣ-

лаетъ онѣ намѣ разнаго рода новыя па-
 коси. Короче сказаць, Любезный мой,
 я принужденъ здѣсь быть и инженеромъ
 и минеромъ, такъ что наконецъ должны
 мы будемъ все таки нѣкогда достигнуть
 исполненія нашему намѣренію. Теперь
 шрудимся мы около подкопа, дабы взор-
 вать нѣкія укрѣпленія на воздухъ; и я
 ожидаю только отъ того дѣйствія: а
 потомъ готовимся мы на ципадель, къ
 которой былъ уже и прислупъ, идши
 штурмомъ, что самое принудитъ, на-
 дѣюсь, непременно Начальника сего мѣс-
 та къ задачѣ крѣпости. Но полно рѣше-
 ніемъ сего дѣла, все еще не кончится все,
 многое еще потребно къ тому, дабы до-
 стигнуть до совершеннаго мира. Одна-
 кожъ, оставимъ сіе, мы пошлѣмъ луч-
 ше мало по малу избѣгать всякихъ за-
 шрудненій; станемъ распоряжаться, что
 намъ сего дня дѣлать, и будемъ помыш-
 лять о томъ завтра, какія мѣры можемъ
 мы предпринимать съ нашей стороны
 при разнообразіи переменныхъ обстоя-
 тельствъ. Ишакъ, знаете Вы нынѣ, лю-

безный Маркизь, въ какомъ положеніи
обрѣтаемся мы теперь. Сносише шершѣ-
ливо, слѣдственно, все наше неискусство
и все наше незнаніе. Нечаянный успѣхъ
будетъ для Васъ тѣмъ пріятнѣе: ибо,
всякое долго ожидаемое чему либо испол-
неніе, причиняетъ обыкновенно тѣмъ
вѣще удовольствіе, нежели то, что пре-
обрѣтается безъ всякаго труда. Все сіе
впрошчемъ, что лишъ я теперь сказать
Вамъ могъ, есть по справедливости но-
вое: ибо, что я Васъ люблю, то уже то
давно старое, и пребудетъ на всегда не-
премѣннымъ. Прощайте.

Изъ Бегендорфа отъ 26 Сентября 1762 года.

Письмо 33.

Охотно бы хотѣлъ я сказать Вамъ
теперь, любезный мой Маркизь, что
Швейдницъ завоеванъ уже; но все еще не
имѣемъ мы онаго въ нашихъ рукахъ. Цѣ-
лая четьре недѣли роется мы безпре-

спанно въ землѣ и шѣмъ лишѣ задержаны крайнѣ. Все еще стоимъ мы около крѣпостнаго полисада. Вчерашняго числа подорвалъ непріятель одинъ нашъ подкопъ, чѣмъ самымъ разрушилъ онъ нѣкоторое мѣсто, гдѣ было укрѣпились мы; такъ что весь нынѣшній день употребленъ на то лишѣ только, чтобъ все то привесши наки въ прежній порядокъ. Однимъ словомъ, надобно вооружиться терпѣніемъ: ибо, самый сей *Грибофалъ* защищаетъ себя такъ, какъ человѣкъ преисполненный достоинствъ. Замѣтите припомъ, пожалуйста, Любезный мой, то, что весь гарнизонъ состоялъ при самомъ началѣ осады изъ 11000 человѣкъ; а *Цастровъ* имѣлъ у себя не болѣе, какъ только 3000. Слѣдовательно, не совсемъ онъ правъ въ томъ; но при всемъ томъ однакожъ, не безъ извѣстно и то, что число при составляетъ почти четвертую часть отъ одиннадцати, и что люди сїи несравненно лучше его защищать себя могутъ. При послѣдовавшей въ Россіи переменѣ, почувствовали Вы,

думаю, въ себѣ дѣйствіе колики. Вся при-
 чина состоишь, надѣюсь, въ томъ толь-
 ко, что все до меня принадлежащее, со-
 дѣлываетъ въ мысляхъ Вашихъ глубо-
 чайшее впечатлѣніе. Но еслии между
 тѣмъ можно, то докажете Вы мнѣ здра-
 віемъ Вашимъ паки опыты Вашего ко
 мнѣ дружества. Не оставляйте, пожа-
 луйте, употреблять ключевой воды изъ
 колодца въ Сан-суси, такъ какъ Вы ши-
 таете ее полезною къ возстановленію
 прежнихъ Вашихъ силъ. Отъ искренняго
 сердца желаю я, права, того, чтобы она
 споспѣшествовала Вашему совершенно-
 му поправленію. Самъ же я вмѣсто то-
 го привыкъ столько къ разнаго рода
 противнымъ переменамъ и бѣдствіямъ,
 и спановлюсь уже столь равнодушнымъ
 противъ всѣхъ случаевъ въ семъ свѣ-
 тѣ, что не чувствую нынѣ почти вовсе
 того, что прежь сего могло бы содѣ-
 лать во мнѣ наиглубочайшія впечатлѣ-
 ніи. Я могу при томъ увѣрить Васъ,
 любезный мой Маркизь, въ томъ, что я
 дѣйствительно успѣлъ довольно много

въ подражаніи всѣхъ правилъ философіи.
 Я становлюсь уже старъ, Другъ мой, при-
 ближаюсь довольно ощутишельно къ цѣли
 моихъ дней, и непримѣтнымъ образомъ
 ошрывается душа моя отъ всего сего
 землекружія, кое преидетъ само по себѣ,
 и кое вскорѣ я оставишь буду долженъ.
 Мое положеніе прошедшей зимы, пере-
 мѣна въ Россіи, вѣроломство Англичанъ
 и много шому подобнаго, не могушь ли
 служишь достапочными предмѣтами,
 по истиннѣ, влекущими человека къ по-
 схиженію премудрости, естли шоль-
 ко помыслишь о томъ хорошенько! Да
 и ктобъ восхошѣлъ пожелать препро-
 водить все время своей жизни въ семъ
 пагубнѣйшемъ изъ всѣхъ чаемыхъ міровъ
 съ наиразвращеннѣйшею толпою купно?
 Здѣсь упоминаю я нѣкія шокмо причи-
 ны всего моего негодованія противъ
 опостылаго уже мнѣ свѣта; но со мною
 встрѣчались однакожъ въ продолженіе
 войны шоль изъ нихъ многія, что
 ишощилось даже чрезъ шо все чувст-
 во души моей, окрѣпчалъ я, шакъ ска-

зашь, весь, сдѣлался совершенно равнодушнымъ и нечувствительнымъ, шакъ что негожусь я ни къ чему нынѣ болѣе. Впрочемъ, не имѣемъ мы здѣсь во все предѣ очами нашими ни *Нелтуна* ни *Аполлона* себѣ сопровивниками, а единого лишѣ *Грибофала*, купно съ 8000 солдатъ и минеровъ, кои искушаютъ съ лишкомъ много все наше шерпѣнїе: во всемъ Швейдницѣ нѣтъ, право, никакой прекрасной *Елены*; да и у насъ не достаеиъ шакже подобнаго *Ахиллему*, коего присудствїе почелъ бы я на сей случай несравненно болѣе, нежели все упованїе на Блаженнаго *Елимаха*, или на Праведнаго *Дїонисїя*, или на кого либо другаго изъ лика помѣщенныхъ въ свящѣхъ. Не смотря однакожь на все шю, подвигаеиъ мы со всѣми нашими произведенїями споль далеко впередъ, сколько позволяеиъ лишѣ намъ самое благоразумїе. Естелижь сказаиъ безъ всякаго прїстрастїя, шю по моему сужденїю не поперяли мы, право, щипая отъ самаго начала осады, ни шесшї даже

дней напрасно; но гдѣбѣ въпрошчемъ при подобныхъ осадахъ не случилось того, скажите, пожалуйста? По меньшей мѣрѣ не спрашимъ мы время въ пустыхъ выраженіяхъ, такъ какъ Ваши чрезчуръ болш-ливые Греки, ни въ умиленныхъ молиш-вахъ крестныхъ ханжей предъ Іерусали-момъ и Даміешпою. Какъ бы то ни было однакожъ, но мы овладѣемъ паки Швейдни-цемъ, и я обезпеченъ о томъ совершен-но. Да полно и за шѣмъ еще оспасет-ся мнѣ претрудная доля работы, при чемъ обзрѣваю я какъ бы нѣкій непроницаемый шуманъ, препящствующій глазамъ мо-имъ распознавать всѣ новые предмѣты и всѣ грядущіе случаи. Самая даже Пра-ведная *Гедвига* не просвѣщаетъ уже меня нимало; она не вспомошествоуетъ мнѣ ничуть ни въ чемъ, не взирая на то, что оную чпу я небесною себѣ сродни-цею. Короче сказать, все будущее пре-доставляю я произволу судьбы, и про-вожжаю съ дня на день жизнь мою кой какъ во ожиданіи предвѣдущаго. Я пишу Вамъ шеперь на прямикъ все то, что

у меня на умѣ: сіе самое навлечетъ Вамъ, можетъ быть, нѣсколько скуки; но повѣрьте мнѣ, что всякое искренное изрженіе составляетъ всегда нѣкоторое облегченіе сердцу, воззря припомъ безпристрастными глазами на то состояніе, въ которомъ обрѣшаюсь я теперь. Итакъ за тѣмъ, оставайтесь благополучнымъ, любезный Маркизъ; на сей разъ не скажу я Вамъ болѣе ничего, кромѣ лишъ того, что увѣряю Васъ въ совершенной моей къ Вамъ дружбѣ.

Изъ Бегендорфа отъ 27 Сентября 1762 года.

Письмо 34.

Стихи сіи, любезный мой Маркизъ, измѣняютъ совершенно тому времени, въ печеніе коего сотворены они. Меня занимаютъ нынѣ разныя политическія заботы и военныя хлопоты; деньги вертящаясь безпрестанно въ моемъ умѣ: короче сказать, меня окружаетъ со всѣхъ

сторонѣ безчисленное множество весьма непріятныхъ упражненій. Ипакъ, стихи мои удались бы, безъ сомнѣнія, лучше тогда, когдабъ произошли они шокмо на свѣшъ во время гораздо по спокойнѣ предъ нынѣшнимъ; не смотря однакожъ на то, могутъ они, надѣюсь, быть довольно еще годными къ самому тому употребленію, которое Вы разсудите лишъ за благо изъ оныхъ сдѣлать. По моему мнѣнію казалось бы впрошчемъ лучше оспавить тому вовсе стихотворство, кшо не въ силахъ писать шакъ, какъ *Расинъ*; но полно вообще говорятъ люди, что сплошъ Стихотворцы бывають дураками яко бы. Самое сіе изреченіе имѣетъ послужить и мнѣ теперъ настоящимъ извиненіемъ; да и Вы сами даже согласитесь, чаю, признайся мнѣ въ томъ, что дурачество эцю не опасно по меньшей мѣрѣ для всего общества, а наипаче тогда, когда Стихотворецъ не впираетъ съ усиліемъ твореніи свои въ руки чипашелю, когда пишетъ онъ стихи единспвенно къ своему лишъ удо-

вольствію, и когда, говорю, бываетъ онъ
 первымъ въ предоставленіи слабымъ
 его дарованіямъ надлежащей справедливо-
 сти. Несравненно пріятнѣебъ было для
 меня, признаюсь числосердечно, при по-
 добныхъ нынѣшнимъ обстоятельствомъ,
 сдѣлавъ надежный и выгодный миръ, не-
 жели какую либо Эпическую Поэму; по
 недоспашку же онаго, гораздо лучше воз-
 намѣрился твердо подвизаться, естли
 можно, на Австрійцевъ, чѣмъ писать
 подобную *Руссовой* какую либо оду. Да
 и Вы, думаю, были бы однѣхъ же со мною
 въ томъ мыслей также. Но какъ бы то
 ни было, однако должно имѣть во всемъ
 терпѣніе, дабы отнюдь не возбранявъ
 дѣйствію всехъ побочныхъ причинъ, ко-
 гда сами мы не въ силахъ никакъ дости-
 гать до естественныхъ началъ, и по-
 коряшь себя добровольно игу случаевъ,
 кои, по истиннѣ, не зависятъ нимало
 отъ всего нашего благоразумія; а между
 тѣмъ, прощайте, любезный мой Мар-
 кизъ, уступите мнѣ одному дѣлать все
 мое безпокойствіе, предославъше, по-

жалуйте, себѣ непоколебимѣйшее спокойствіе духа, и пребывайте удосто-
вѣреннымъ на всегда въ моей къ Вамъ
искреннѣйшей дружбѣ.

Изъ Пешерсвальда отъ 22 Октября 1762 года.

Письмо 35.

Письмо Ваше, любезный мой Маркизъ, освобождаетъ меня нынѣ совершенно отъ всѣхъ заботъ, кои ни имѣлъ лишъ я о Вашемъ здравіи. Хотя предъ самымъ моимъ отъѣздомъ и были Вы нездоровы, помню я; но меня увѣрили однакожъ, что Вы на другой же по томъ день отправились яко бы въ пушъ. Непомѣрная упругость воздуха и жестокое колебаніе повозки возвратили Вамъ, по видимому, все Ваше прежнее здоровье; а тѣмъ самымъ подтвердили онѣ и все утвержде-
ніе Бергааво въ томъ, что всегдашній покой не полезенъ никакъ нашему здравію. Ишакъ, къ чему предопредѣлила под-

линно природа насъ въ свѣтѣ, не знаю
 я и самъ, права. Судя по нашему здоро-
 вью, кажешся едва ли не справедливо то,
 что мы опредѣлены бытъ болѣе почта-
 рями, нежели Философами. Впрочемъ,
 со времени нашей разлуки, былъ уже я
 и въ Мейссенѣ. Между тѣмъ однакожъ,
 письма, полученныя мною на сихъ дняхъ
 изъ Вѣны, увѣдомляющъ, что соглаше-
 нїи о утвржденїи мира произвели тамъ
 во всѣхъ несказанную радость, и что
 Императрица едва не обняла было отъ
 восхищенїя о томъ вручителя того.
 Въ разсужденїи чего, подтвержденїе все-
 му тому послѣдуетъ здѣсь непременно
 есшлы не завтра, то конечно не позже
 послѣ завтрева. Касательножъ до меня,
 то до 12 Марта не думаю я, по малымъ
 моимъ вычесамъ, оставить Саксонїю:
 ибо, мнѣ пошребно только 14 дней къ
 тому, чтобъ привести къ окончанїю всѣ
 мои Силезскїя дѣла; а ктомуужъ и по
 другимъ обстоятельствомъ не лзя мнѣ
 бытъ, какъ кажется, прежде 29 числа
 будущаго мѣсяца въ Берлинъ.

Но естли ли ешь что наилучшее во всемъ ономъ дѣлѣ, то сѣ ничуть не ешь собственное мое вездѣ присудствіе, любезный мой Маркизь ; а единственно лишь благополучный миръ ; почему и справедливо то, подлинно, что всѣ добрые граждане и все общество радуются тому. Но я, напрошивъ того, бѣдный, дряхлый старикъ, возвращаюсь паки въ такой городъ, гдѣ познаю я однѣ лишь токмо спѣны, гдѣ не обрѣшаю я уже никого изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, гдѣ ожидаетъ меня безчисленное множество различныхъ распоряженій, и гдѣ наконецъ въ короткое, можетъ быть, время долженъ я буду оставить изсохшія уже мои кости посреди кладбища, кои ни войною какою, ни злключеніями какими, ниже злобою какою не могутъ потревожены быть когда либо. Здѣсь же вмѣсто того пребываю я такъ, какъ бы въ нѣкоемъ загородномъ домѣ, гдѣ препровождаю я мою жизнь въ совершенномъ уединеніи и въ обыкновенныхъ моихъ упраж-

Часть IX. Ж

зненіяхъ; ничего не недоспаетъ мнѣ здѣсь,
 по истиннѣ, кромѣ одного лишъ любез-
 наго Маркиза; но я уповаю полно уви-
 одѣтся съ нимъ скоро паки въ Берлинъ;
 на между шѣмъ, совѣшую Вамъ выѣзжать
 временемъ и со двора, мой Возлюбленный;
 поинищесь пожертвовашъ симъ, какъ
 можно, собственному Вашему здравію.
 Ваши лошади ожидаютъ Васъ давно въ
 Потсдамъ; онѣ уже во всякой готовно-
 сти шамъ; яжъ бѣдный, несчастный,
 прошу не забываясь меня лишъ только.
 Впрочемъ, прощайте, кланяйтесь ошъ
 меня Лисынькѣ.

Изъ Далека ошъ 25 Февраля 1763 года.

Письмо 36^е.

Насилу наконецъ послѣдовалъ нынѣ,
 подлинно, совершенный миръ, любезный
 мой Маркизъ; на сей разъ дождемся
 Вы къ себѣ не по пустякамъ, думаю,
 посланнаго къ Вамъ нарочно со всею при

немъ свисюю. Теперь то, хвала Вышнему, достигли насъоящей цѣли всѣ мои военныя безпокойствїи! Вы спросите меня конечно тошчасъ, чемъ занимаюсь я здѣсь? Повседнѣвно слышу лишъ я гласъ *Цицероновъ*, скажу я Вамъ на то; съ давняго уже время преснаалъ я вниманъ глаголамъ на *Веррея*; нынѣжъ остановился я при защищенїи его *Мурены*; а сверхъ того прочиналъ я отъ доски до доски и всего *Баттїю*. Ишакъ, видите Вы ясно, что я ничуть не лѣнивъ: да и Вамъ самимъ даже, моему Милому, не слѣдуетъ также дѣлаться неперпѣливымъ; ибо, рѣка сдѣлалась уже судоходною, такъ что Вы довольно еще будете имѣть время, доставить всѣ Ваши вещи, до моего прибышїя, въ Пошдамъ. До 13 числа останусь я либо здѣсь, или въ Торгавъ; всяжъ моя ѣзда въ Силезїю займетъ не болѣе времени, думаю, какъ шолько 15, а много ешъли 17 дней; слѣдовашельно, не прежде могу я бышь въ Берлинъ, какъ развѣ 31 числа сего мѣсяца, или около 2 Апрѣля; 1 же числа

будущаго мѣсяца не хочу я никакъ расположить прѣздъ мой къ Вамъ, дабы нѣкіе насмѣшники не могли пошѣшиться при семъ случаѣ на мой щепъ, примѣня меня къ первому Апрѣлю. Ишакъ, заключенный миръ содѣлалъ, по видимому, жителямъ Берлинскимъ несказанную радость; напрошивъ же того Саксонамъ всемъ тому противное. Не успѣемъ лишь выступить мы изъ какого либо города, не успѣмъ, говорю, очистишь мы шокмо удѣлъ земли онаго, какъ въ ту же самую минушу появляешся повсюду шакъ называемая испязашельная Саксонская ексекуція: „Плати, плати, кричатъ громогласно исполнили воли верховной власти, *Королю Польскому надобны деньги.* „Въ слѣдствіе чего, весь народъ ощущаетъ всю силу безчеловѣчія такихъ поступковъ, онъ пребываетъ отъ того въ крайнемъ бѣдствіи, и вмѣсто того, чтобъ доеставить ему нѣкое облегченіе, поспѣшаютъ лишь тѣмъ болѣе совершенною погибелію оному. Вотъ, любезный Другъ, Вамъ подлинное изображеніе всей

Саксонїи, которое снято съ самой напу-
ры. На всё подобныя сему дѣйствїи взи-
раю я такъ, какъ равнодушный зритель;
но такъ, какъ гражданинъ свѣтскїй, не
могу я никакъ одобрить всего того.

Между тѣмъ, работаю я здѣсь ши-
шкомъ о внутреннемъ учрежденїи Про-
винцій: главнѣйшія распоряженїи, каса-
тельные до всего войска, уже почти со-
всемъ готовы и при томъ поправлены.
Французы подписали впрощемъ мирныя
условія цѣлыми пятью днями ранѣ насъ.
Признайтесь, пожалуйста, сами Вы въ
томъ, не съ лишкомъ ли много, право, на-
доели мы всѣмъ имъ; и что весьма тру-
дно довести столь трудное дѣло къ же-
лаемому концу искуснѣ того, какъ учи-
нили мы то самое. Его Величество Поль-
ское не выздоровѣлъ и понынѣ; онаго здра-
віе все еще шатко крайнѣ. Саксонцы же
съ своей стороны почитаютъ возвраще-
нїе Короля ихъ къ нимъ иначе, какъ
всеобщимъ несчастїемъ, несравненно пу-
щимъ бѣдствїемъ, нежели самая война
и голодъ; но полно что намъ обѣимъ

дѣла до Саксоніи, до Государя ся, до онѣ-
го Министра и до всѣхъ сихъ вообще по-
ступокъ. Я пекусь токмо о успокоеніи
моего удрученнаго духа и хошя о маломъ
облегченіи отъ неносныхъ уже болѣе
трудовъ, чѣмъ доставить себѣ нѣкую
отраду, и чѣмъ во время упомленія
страстей углубится мнѣ въ размышле-
ніи о самомъ себѣ, дабы заключить себя
на всегда въ предѣлахъ внушенности
души моей, и удалился наконецъ отъ
всѣхъ вообще чиновъ, кои мнѣ,
если чистосердечно признаюсь, со
дня на день становящся неносными, по
истиннѣ. Сверхъ сего, скажу я Вамъ
здѣсь еще то, что д'Аламбертъ при-
нулъ всѣ предложенія, учиненныя ему со
стороны Россіи; сей очевидный опытъ
его великаго безпристрастія заслужи-
ваетъ совершенно все мое уваженіе; и
по мнѣнію моему, поступилъ онъ весь-
ма благоразумно въ томъ, что не под-
вергъ себя разнымъ опасностямъ непо-
стояннаго щастія. Но остановимся луч-
ше на семъ мѣстѣ: спрунка сія нѣжна

чрезмѣрно, чѣтобъ возможно было касат-
ся до нее безъ опасенія.

Добрая ночь, между тѣмъ, любез-
ный Маркизъ, теперь уже поздно; а за-
втра надобно еще мнѣ пещись о мно-
гомъ. Я надѣюсь въпрошчемъ имѣшь еще
нѣсколько у себя писемъ Вашихъ, во вре-
мя моего пребыванія въ Саксоніи. Итакъ,
прощайте, любезный Маркизъ, будьте
веселы, пекишесь о Вашемъ здравіи, а
припомъ не забывайте и меня.

Изъ Далена отъ 1 Марта 1763 года

Письма безъ чисель.

Письмо 37.

Такъ, любезный Маркизъ, я погрѣ-
шилъ много, подлинно; а чѣто всего ху-
же, то подверженъ я буду и впредь по-
лужь самому, какъ вижу я. По истин-
нѣ, не скоро можно тогда образумишся,
когда лишь желаетъ чего либо неперпѣ-

ливо; однѣмъ словомъ, все мы, какъ кажешся мнѣ, оспанемся во всю нашу жизнь почти всегда одинакими. Если-лижъ есть что наинепрѣятнѣйшаго при сихъ настоящихъ обстоятельствеихъ, то оное состоишь болѣе въ томъ, что все вообще просупки содѣлаются на конецъ главными погрѣшностями; такъ что одно уже помышленіе о томъ, производитъ во мнѣ несказанный ужасъ. Подумайте только о множествѣ моихъ непрѣятелей, воспаляющихъ все мое сопрошивленіе, оныхъ опаснѣйшія и усугубленныя старанія и при томъ крайнее ожесточеніе, съ коимъ ищущъ они погубить меня всячески: посмотрите лишь на то попришалье, какъ участь цѣлаго Государства виситъ уже на единомъ шокмо волоскѣ, такъ сказать: помыслили о всемъ томъ получше, пожалуйста, а не менѣе и о томъ также, что вся ихъ леешная надежда, любѣщаемая имъ оныхъ пророкомъ, исчезнетъ подобно мнѣ, которую всю развѣстѣ въшрь и развѣстѣ въ единое мгновеніе.

Для освобожденія же себя отъ сихъ
 споль смущныхъ и споль мрачныхъ во-
 ображеній, кои бы наконецъ и самого
Демокрита въ силахъ были содѣлать бе-
 зпокойнымъ и унылымъ, спараюсь я за-
 нимаюсь чемъ либо, или соспавляю дур-
 ные шокмо сшишки. Признаюсь Вамъ въ
 томъ, покамѣстѣ продолжился шакое
 упражненіе, пошудова шипаю я и благо-
 получнымъ лишъ себя; оно, распростра-
 няя сущій обманъ, прикрываетъ шѣмъ
 свободнѣе все мое настоящее положеніе,
 идоспавляетъ мнѣ то совершенно, что
 всѣ врачи называютъ *Lucida intervalla*,
 то есть : нѣкую искру надежды; но
 едва лишъ исчезаетъ все сіе чародѣй-
 ство, то погружаю я паки въ прежнюю
 мою бѣдспвенную грезу, послѣ чего все
 мое мученіе, кое успокоено только было
 на нѣкошорое время, содѣлывается и си-
 льнѣе и жесточае. Сверхъ сего, скажу я
 Вамъ теперъ еще нѣчто : Ваша Ирокиза
 находишся въ полномъ упражненіи, такъ
 сказашь; съ самого нынѣшнего дня можетъ
 она безъ сомнѣнія, не шипая ее какою

либо душегубицею, сколько погубить
 Австрійсцевъ, сколько лишъ вздумаеши
 ей. Впрочемъ, хощя и хвалиши Вы мои
 стихи, однакожъ они не заслуживающъ,
 право, того нмало. Духъ мой не столь
 спокоенъ, да яжъ не имѣю припомъ и
 время на то довольно, чпобъ могъ ихъ
 поправить сколько ни естъ. Это одни
 лишъ недоноски, или явспвеннѣ ска-
 зать, преждевременныя роды, кои заспа-
 вляющъ меня нѣкая спихотворная сапа-
 на по неволѣ производить на свѣшъ; и
 ихъ то самыхъ удостоиваете Вы нынѣ,
 по сродной Вамъ пошачкѣ, всего Вашего
 одобренія: они кажутся Вамъ, какъ ви-
 дно, несравненно менѣ дурными тогда,
 когда Вы сравниваете ихъ съ шѣмъ ужа-
 снымъ положеніемъ, въ которомъ обрѣ-
 таюсь я теперь. Между шѣмъ, прошу
 Васъ писать ко мнѣ почаще, еснли
 только не займешъ Васъ нѣчто прево-
 сходнѣ того, и не забываетъ, пожало-
 вать, бѣднаго Философа, который въ
 наказаніе за свое невѣріе, осужденъ, мо-
 жетъ быть, очистишся прежде отъ

того на семь свѣтъ. Итакъ, прощайте, любезный Маркизь, будьте благополучны. Я желаю Вамъ спокойствія, здравія, всякаго удовольствія, и приемлю Васъ отъ искренняго моего сердца въ мои объятія.

Письмо 38.

Я нарочно велѣлъ себя пригласить сюда, любезный мой Маркизь. Завтра явлюсь я непременно къ своему войску, такъ что ни *Даунъ*, ниже его Австрійцы не примѣшатъ того вовсе, какъ обольщаю я себя, что я одержимъ подагрою. Въ печеніе осьми дней, надѣюсь я, будетъ Саксонія очищена совершенно отъ непріятелей, и все пребудетъ спокойно повсюду. Итакъ, если будете Вы на то время здоровы, и можете найти гдѣ либо химическую какую накрѣпко заключенную повозку, то сдѣлаете Вы мнѣ немалое тѣмъ удоволь-

ствіе, когда пожалуете ко мнѣ въ Дрезденъ; тамъ намѣренъ я расположить мое пребываніе и пешись припомъ о Вашемъ спокойствіи. Впрочемъ, теперь приключилось у меня столько дѣлъ, что никакъ не можно мнѣ, по истиннѣ, заниматься долго бездѣльными зашѣями Вашей дуры: пообождите, пожалуйста, лишъ окончанія сего похода, тогда то уже постарается мы купно поволочить ее повсюду, куда только угодно Вамъ будетъ. Прощайте между тѣмъ, любезный Маркизь; я приемлю Васъ заочно въ мои объятіи.

Письмо 39.

Все то, что Вы ни говорите лишъ мнѣ, любезный мой Маркизь, не въ силахъ никогда убѣдить меня въ томъ, чтообъ положеніе мое можно было считать хорошимъ. Все щастіе купно вооружилось нынѣ противъ меня, вижу я.

Я перешелъ уже чрезъ Эльбу; прѣш-
его дня хотѣлъ было я напасть на *Лас-
ци*я; но онъ подвинулся заблаговремен-
но назадъ; и такимъ то образомъ уни-
чтожающа всѣ мои намѣренія одно за
другимъ. Завтра же придетъ все Им-
перское войско къ Дрездену; тамъ остано-
вишься оно, и тогда то превзойдетъ
Даун предо мною всѣми своими силами
такъ, что я не предвижу изъ того ниче-
го для себя добраго. Между тѣмъ, *Лау-
дон* осаждастъ Глацъ; а въ Силезіи на-
ходится не болѣе единой горсти людей,
кои никакъ не въ силахъ подать какой
либо помощи: однимъ словомъ, со всѣхъ
сторонъ щипаю я себя уже погибшимъ.
Самое даже благоразуміе благопріятст-
вуетъ мнѣ не болѣе нынѣ, какъ и война;
ни одно изъ моихъ предпріятій не удает-
ся уже мнѣ болѣе; и я готовлюсь уже къ
воспріятію всякаго рода злосчастія, ка-
кое ни предопредѣлитъ лишь мнѣ горест-
ная моя участь. Вы, съ стороны Вашей,
обозрѣваете всѣ прошивоборствія шок-
мо издали, зная лишь вполнѣ всѣ обстоя-

шельства; а пошому шо самому и рож-
 даешся въ Васъ нѣкая ко всему безопас-
 ность, коей бы Вы конечно не имѣли,
 естлибъ шолько могли Вы посшигашъ
 ясно всю истинну. Ишакъ, пожалуйше
 будыше удостовѣрены въ томъ, что я
 уже и безъ особливаго какого либо чу-
 да щитаюсь пропадшимъ, шакъ что
 весьма много будешъ шого, естли про-
 маюсь я въ шаковомъ положеніи до Сен-
 тября мѣсяца. Въ подобныхъ моимъ об-
 стоятельствахъ недостаточны ника-
 кія ни знаніи ни искусства болѣе; къ шо-
 му принадлежатъ развъ однѣ сверхъ
 естшественныя вещи; а что оныя не по-
 слѣдуютъ уже паки, шо знаете и Вы о
 томъ довольно: короче сказать, я нахо-
 жусь въ прешрашномъ состояніи, въ
 каковомъ Государь едва ли шокмо бытъ
 когда можетъ; я вижу себя непримѣшно
 ишаевающимъ, на подобіе спражду-
 щего воденою болѣзнію, кошорый щитаетъ
 со дня на день всѣ слѣды своей
 немощи, взираетъ на шо съ сокрушен-
 нымъ духомъ, какимъ образомъ лишаютъ

его жестокосердные предвѣстники смерти мало по малу онаго членовъ, и ожидаетъ съ часу на часъ того только, когда смерть коснется своимъ серпомъ до онаго сердца. Весь фарфоръ Вашъ впрочемъ отправленъ отсюда, и думаю, что оный привезенъ уже въ Берлинъ. Употребляйте его, пожалуйста, съ пользою, буде оный понравится Вамъ только; но не льстите лишь себя съ лишкомъ много неосновательнымъ упова́ніемъ, кое можетъ легко повергнуть Васъ совсемъ въ странное заблужденіе; а между тѣмъ, прощайте, Возлюбленный мой, я держу Васъ заочно въ моихъ объятіяхъ.

Письмо 40.

Не видите ли Вы того теперь ясно, Любезный мой, что все вообще тайноспи Госпожи *Таліяцухи* ничто иное были, какъ шокмо однѣ лишь некоры-

спіныя переполосканныя опресья, такъ какъ я предсказывалъ о томъ; но между инѣмъ приказалъ я однакожъ задержашъ того удалаго плута: ибо, чѣмъ обманушь кому меня, то надлежишь тому прежде обольспишь меня самого чѣмъ ни есть; а то то самое и не легко, скажашъ правду. Кшомужъ, могъ бы удобно сей челоѣкъ сообщить моимъ непріятелямъ такія извѣстіи, кои почерпнушы имъ можешъ бышь изъ нечистаго испочника, и кои въ силахъ бы были скорѣе оныхъ повергнушь въ заблужденіе, нежели наставишь ихъ въ чѣмъ либо полезномъ для нихъ. Впрочемъ, я и по сіе еще время въ томъ же самомъ положеніи, въ каковомъ былъ я уже за недѣлю предъ симъ; но непріятель пронешся, надѣюсь, вскорѣ съ мѣсяа, пошому что началъ онъ дѣлать всякія прѣугововленіи къ своему опшсупу; а тѣмъ то самымъ и окончится мой нынѣшній походъ прошивъ Россіянъ. Не смопръ однакожъ на то, все еще осшанется мнѣ довольно много работы; и хошя тѣлесныя

мои силы подлинно слабы нынѣ; но то не удержишь меня отъ оной никакъ; ибо, покаместъ не оспавяшъ онѣ меня вовсе, пошудова пребуду я непоколебимъ въ моей должноти.

Между тѣмъ шружусь я безпрестанно все еще надъ моимъ сочиненіемъ о *Карлѣ XII*^{мъ}. Оное будетъ служить настоящею, такъ сказать, цѣпью различныхъ разсужденій, что самое требуетъ не маго раченія и вниманія; а пошому то и работаю я его нѣсколько мѣшкотно. Выборъ мой палъ на то пошому, что я узрѣлъ самаго себя шочно въ тѣхъ же самыхъ обспояшельствахъ, кои наипаче учинили *Шуленберга* знаменишымъ чрезъ онаго опсшупленіе. Преисполненный героическими мыслями весь мой духъ, кои всячески покушаюсь я разсѣять, упражненъ шолико подобными сему предмѣшамъ, что я не въ силахъ и обратишь его даже на что либо другое; такъ что по окончаніи войны намѣренъ я шакже, какъ и прошче, искашь себѣ мѣста въ *Инва-*
Часть IX^я. *Зак.*

лидномъ домѣ: ибо, до того уже доведенъ я почти нынѣ. Еслили случится только Вамъ увидѣть меня паки, то конечно найдете Вы меня уже весьма состарѣвшимся; власы мои начали совсемъ сѣдѣть, зубы стали выпадывать, да и самъ я содѣлаюсь, безъ сомнѣнїя, скоро уже настоящимъ ребенкомъ. Ипакъ, по истиннѣ, не слѣдуетъ намъ удручать чрезчуръ много тѣлесныя нашей силы; по елику чрезмѣрное ко всему принужденїе усыпляетъ ихъ совершенно. Вамъ не безъизвѣстно то, надѣюсь, самимъ, что рассказываютъ о *Блаизѣ Паскалѣ*. Сами Вы сказывали мнѣ, помнишь, что Вы, въ бытность Вашу въ Голландїи, приведены были отъ упражненїя въ сочиненїяхъ въ толикое изнеможенїе, что потребно Вамъ было немалое время для Вашего успокоенїя, дабы лишъ придти паки въ прежнее состоянїе. Вашъ предшественникъ *Бавлѣ* испыталъ тожъ самое; да и я, тожъ самый, который недостойнъ снимать даже съ ногъ Вашихъ туфли, хоша впрощемъ и дале-

ко еще не достигъ до того; но чувствую уже однакожь сильное приращеніе въ моихъ немощахъ и крайнее изнеможеніе всѣхъ моихъ силъ: однѣмъ словомъ, непримѣннымъ образомъ теряю я весь шотъ жаръ, который необходимо нуженъ для произвожденія въ дѣйство по надлежащему моего ремесла.

Еще осталось намъ съ мѣсяцъ времени на то, покуда не окончится всемъ сей походъ; и тогда то увидимъ мы ясно, что произведетъ новаго наступаящая зима. Впрочемъ, пришлите ко мнѣ, пожалуйста, Вершота о смяшеніяхъ Римской Имперіи и Швеціи; а при томъ не забывайте также всѣхъ Вашихъ друзей, пребывающихъ въ чистилищѣ; пакежъ всего будьте на всегда удостовѣрены о моей къ Вамъ искренности и почтеніи, и за тѣмъ прощайте, Маркизъ.

Письмо 41^е.

Между умословіемъ и догадливостію есть великое различіе, любезный мой Маркизъ. Всѣ рѣшенія Машемашиковъ весьма строги и обстоятельны, но елику заключающъ онѣ въ себѣ всю возможность, или довольно внятные предметны природы: но еслили дойдетъ до того, что надобно будетъ проникать въ связь какихъ либо совокупныхъ вещей, тогда прерывается непременно вся цѣпь отъ самаго незначительнаго незнанія всякихъ неосновательныхъ и невразумительныхъ обстоятельствъ; ибо, поминутно почти обманывается припомъ каждый: причиною тому ничуть не есть какой либо недостатокъ здраваго разума, а единый лишь недостатокъ согласныхъ съ истинною понятій; ктому же слѣдуетъ присовокупить еще непостоянство человѣческихъ мыслей и самую даже невозможность распознавать всѣ зашвы, вселяющіяся челоуку въ голову. По

сей по самой причинѣ, любезный Маркизъ, погрѣшили и Вы равнобрно въ Вашемъ сужденіи о Французахъ, которые не заключаѣтъ конечно прежде мира, пока мѣстъ не достигнутъ они настоящей, такъ сказать, цѣли совершенной ихъ побѣды. Не менѣе того заблуждаетесь Вы также и въ заключеніяхъ Вашихъ о другомъ народѣ, потому что Вы ничуть не изъ числа какихъ либо прорицателей будущаго; а потому что, слѣдственно, и не лзя Вамъ никакъ представлять себѣ всѣ вещи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ есть подлинно. Вы ошибаетесь поже и въ сужденіи моего войска. Но во всѣхъ сихъ заблужденіяхъ, упоминаемыхъ мною здѣсь, не участвуетъ нимало Вашъ разумъ; одно лишъ Ваше заключеніе, которое впрочемъ весьма правильно, сооружается токмо на ложныхъ основаніяхъ. Что иной Военачальникъ, знающій довольно свое искусство, можетъ удобно съ пятьюдесятью тысящей противостоять войску, состоящему изъ осмидесяти тысящей,

то говорилъ я безспорно ; но того не утверждалъ я никогда, чтобъ съ пятьюдесятью тысящей человекъ возможно было управиться противъ ста двадцати тысящей непріятелей: ибо, еслии Военачальникъ шомъ, который управляетъ столь многочисленнымъ войскомъ, не есть еще сущій дуралѣй, такъ сказать, то не преминетъ онъ конечно довести непріятеля своего разными отдѣленными корпусами ошовсюду до самой крайности, и истребить его въ короткое время вконецъ. Яжъ, съ моей стороны, напрошивъ того, любезный Маркизь, осужденный злощастною моею планею на то единственно, чтобъ философствовать о будущихъ случайныхъ произшествіяхъ и вѣроятностяхъ, употребляю все мое къ шому неутомимое вниманіе, дабы лишъ изслѣдовать со всякою точностію то самое правило, отъ котораго бы начать дѣлать всѣ свои заключеніи, и преобрѣсти всѣ возможные познаніи о семъ самомъ дѣлѣ; но безъ шаковой осторожности разру-

шилось бы конечно до подошвы все огромнѣйшее зданіе моихъ заключеній, и развалилось бы, безъ сомнѣнія, такъ какъ изъ карпѣ составленный домъ. И такъ, весьма пріятно для меня то, по истиннѣ, что Вы, будучи Философомъ, удостоверились нынѣ изъ Вашего небольшого опыта о томъ препятствіи, которое обыкновенно встрѣчается тогда, когда слѣдуешь въ подобномъ мракѣ, безъ всякаго свѣта и даже безъ всякаго, говорю, мечшательнаго луча, устраивать себѣ надлежащій путь; а потому то и надлежитъ, слѣдственно, судить, какъ о Полицикѣ, такъ и о Воинѣ съ нѣкоторою понаровкой. Должно полагать, что всякій Военачальникъ можетъ легко какимъ либо ложнымъ извѣстіемъ, или самымъ движеніемъ непріятеля, неизвѣстнымъ ему вовсе, доведенъ быть до великихъ погрѣшностей; да и бывають даже такіе случаи, когда таковое его незнаніе ничемъ непреодолимо. Съ Полициками случается также не лучше того: ибо, единая мысль правительствующаго Вла-

стелина, единый лишь придворный умыслъ, единая, говорю, смерть дорого подкупленной какой либо швари, приводишь уже въ крайнее замѣшательство весь образъ всей оныхъ Сусшемы; шакъ чшо, не смотря на всю ихъ великую предосторожность, не въ силахъ она нимаго препяшествовать шасшю, власшествовать во всей онаго силѣ. Ишакъ, во уваженіе всего сего, извините, пожалуйста, всѣ мои шаковыя разсужденіи; онѣ послужашъ мнѣ конечно вмѣсто нѣкоей зашщиты, и могушъ поменьшей мѣрѣ удостовѣришъ Васъ въ шомъ, чшо я не непосредственно былъ причиною всѣмъ содѣяннымъ мною многимъ ошибкамъ. Ешълижъ бы сдѣлалъ я еше Вамъ обстоятельнѣйшее описаніе всему моему положенію, тогда бы увидѣли Вы непремѣнно при перьвомъ Вашемъ взглядѣ всю причину шой величайшей крайности, въ которой я нахожусь и понынѣ; и должны бы были, безъ сомнѣнія, въ шомъ признашъся, чшо все человѣческое благоразуміе никакъ недостаточно, чшобъ могло свободно изъ шото выпушашъся.

Оконча сіе, поговоримъ теперь нѣ-
что о граверѣ: книгопродавецъ долженъ
получить однѣ только рѣзныя доски,
принадлежащія къ разнымъ смѣшаннымъ
стихотвореніямъ; прочее же все пусть
останется у ковача.

Между тѣмъ, желаю я Вамъ въ изы-
щномъ Вашемъ домостроительствѣ вся-
каго щастія, любезный мой Маркизь.
Около Вашего столоваго прибора тру-
дящаяся нынѣ со тщаніемъ, и я уповаю,
что Вы онымъ довольны будете; въ двѣ
недѣли поспѣетъ онъ, думаю, конечно,
который не премину я тогда же часъ
препроводить къ Вамъ, если только
буду я на то время самъ здѣсь.

Впрочемъ, будьте здоровы, любезный
Маркизь, любомудрствуйте себѣ спокой-
но въ Берлинѣ, и благодарите Вашу судь-
бу, которая не принуждаетъ Васъ ни-
какъ умствовать о предбудущихъ слу-
чаяхъ, а наипаче о людскомъ своенравіи.

Яжъ между тѣмъ остаюсь на всегда
Вашимъ искреннимъ другомъ.

Письмо 42^е.

Съ моимъ швореніемъ, любезный Маркизъ, можете Вы посшупать такъ, какъ Вамъ угодно. Нещастіе, кое постигло лишь теперь Генерала *Финка*, пронуло меня столь сильно, что я и по сіе время не могу еще совсемъ оправиться отъ моего чрезмѣрнаго ужаса. Дѣйствіе онаго привело всѣ мои предпріятіи въ совершенную разсройку, и досязаетъ до самой даже глубины моего сердца. Однимъ словомъ, злополучіе, разящее мою старость, преслѣдуетъ меня безпрестанно съ самаго моего похода въ Силезію; но не взирая однакожь на то, спану я прошивъ того боротся пошудова, покамѣспъ лишь будетъ мнѣ возможно. Впрочемъ, небольшая ода на судьбу, кошорую послалъ я къ Вамъ, сдѣлана нѣсколько раненько: ибо, до настоящей побѣды не лзя еще никакъ воспѣвать радостныхъ пѣсней. Встрѣчающіяся со мною различныя бѣдствіи и прошиво-

борствѣи удручили уже меня толико ,
 что желаю я себѣ безпрестанно смерти,
 и часъ опѣ часу усшаю , такъ сказать ,
 охраняю даже изнеможенное , предопре-
 дѣленное къ спраданію , шѣло мое. Сіе
 пишу я Вамъ въ самое первонаачальное
 мгновеніе моего сильнѣйшаго мученія;
 пошому что страхъ , тоска , досада и
 озлобленіе терзающъ всѣ совокупно весь
 мой духъ : мнѣ остается лишь только
 дожидаться единого конца сему страшному
 походу ; тогда то увѣдомлю я Васъ
 о всемъ , что изъ меня ни послѣдуетъ ,
 и стану уже пещись о прощемъ. Ипакъ ,
 пожалуйста , пособолѣзнейше о моемъ
 состоянтіи , и не распушайте о томъ ни-
 какихъ слуховъ : ибо , злословіе распро-
 страняется и безъ того само собою до-
 вольно преждевременно ; а между тѣмъ
 прощайте , любезный Маркизъ. „Quando
 avrai fine il mio tormento?“, То есть:
 „Когда будетъ имѣть конецъ мое му-
 ченіе?“,

Письмо 43.

Всѣ мои дѣла начали было уже имѣть довольно порядочный видъ, какъ вдругъ поспревожилъ ихъ нѣкій изъ полишическихъ случаевъ, котораго ни предвидѣшь, ниже отвратишь какимъ либо образомъ не было возможности; о прощемъ же о всемъ узнаете Вы конечно сами. Миръ съ Россіею хотя и состоишся несомнѣнно; но лишъ союзъ весь превращишся въ ничто. Впрочемъ, всѣ войски бывшихъ моихъ непріятелей возвращаются уже паки назадъ въ Россію, и я остаюсь теперь опять одинъ. Между тѣмъ однакъ, поколошили мы еще два изъ Австрійскихъ Депашемена; теперь остается только паче всего о томъ заботишся, дабы преобрѣсти намъ чрезъ то удобнѣйшій случай, произвести нѣчто достойное въ дѣйствию; но поелику сомнѣваюсь я въ томъ крайнѣ, то и нахожусь я снова въ принужденномъ, затруднительномъ и щекотливомъ положеніи. Однѣмъ

словомъ, я похожъ нынѣ на сущій кубарь въ рукахъ щастія, кое дѣйствительно изволишъ шѣшися мною. Мы взяли, правда, севодни до тысячи челоуѣкъ не-пріятелей въ плѣнъ, и овладѣли при томъ также четырнадцатью разными пушками; но полно шѣмъ не рѣшилось еще ничего; а все то, что не производитъ лишъ совершеннаго чему вершенія, усугубляеиъ шокмо шѣмъ паче все мое безпокойство. Чтожъ въ Берлинѣ и по прошчимъ мѣстамъ многое идеиъ совсемъ на выворотъ, тому я охотно вѣрю: да что остаеиъся мнѣ сказать на то? Все вообще устроивающая судьба сильнѣе меня несравненно; я принужденъ уступать оной власи во всемъ. Жестокая печаль сиѣдаеиъ мое сердце; крайнее мое бѣдствіе едва ли имѣеиъ предѣлы: чтожъ остаеиъся мнѣ при томъ инаго дѣлать, какъ не держатиъся единаго лишъ во всемъ терпѣнія? Ипакъ, естиъли и пишу я Вамъ на сей разъ нѣсколько простовато, то опнесите то, пожалуйиъе, на шетъ одной шокмо полишики; я уже соскучилъ

сю столь много, что опрелея бы я, думаю, тогда опѣ цѣлаго свѣта, когдабъ только могъ я единожды прекратитъ сію пагубную для меня войну.

За тѣмъ прощайте, Возлюбленный мой; Вы находитесь среди моихъ обѣщаній.

Письмо 44.

Ваше письмо, любезный мой Маркизъ, застало меня въ настоящемъ, такъ сказать, мученіи родами: мнѣ непременно надобно разрѣшившись отъ бремени Швейдницею; отовсюду долженъ я прикрывать его отъ *Дауна*, который нарочно приказалъ цѣлой дюжинѣ изъ своихъ подчиненныхъ около онаго безпрестанно слоняться скрытно съ тѣмъ единственно, дабы все мое намѣреніе обратилось въ ничто; а сіе по самое и принуждаетъ меня неутомимо быть внимательнымъ на все вообще движеніи моего непріятеля и на все о немъ сплошь извѣстіи, кои

тишусь я собирать вездѣ. И такъ, изъ се-
го можете Вы заключать, слѣдователь-
но, что бѣдная моя голова не то то
что расположена теперь къ стихотвор-
ству. Опорочиваемый Вами впрощемъ
стихъ будетъ конечно совсемъ испра-
вленъ; это сущая малость; только я
прошу себя на то время до самого окон-
чанія осады, которая между тѣмъ идетъ
по сіе еще время довольно удачно. Я
могу Вамъ даже за то божиться, что я
ничуть не щеславолюсь тѣмъ; а припи-
сываю лишь весь благополучный успѣхъ
моихъ предпріятій единому токмо слу-
чаю и моимъ войскамъ, не будучи нима-
ло зараженъ какимъ либо почтарскимъ
дурачествомъ; но если Вамъ угодно
изъ нихъ сколько ниешъ къ Вашему
удовольствію, то можете Вы имѣть то
безъ всякаго сомнѣнія. Издавали вѣдомо-
стей наврали, какъ кажется, Вамъ опять
ничто, сообразуясь, чаятельно, похваль-
ной своей привычкѣ: ибо, извѣстіе то
помѣщено въ общенародные листы по
данному на то поводу отъ Варшавска-

го Двора, дабы лишѣ успокоить весь народъ шествиѣмъ Ташарскаго Хана, стоящаго еще на границѣ. Теперь однакожъ не скажу я Вамъ ничего ни о Поншѣ, ни о Восточномъ Государствѣ; я уже, право, итакъ усталъ проповѣдывать будущее; а буду увѣдомлять лишѣ Васъ только объ однѣхъ насоящихъ дѣлахъ: потерпите шокмо, пожалуйста, немного. Нынѣ же напросивъ шого, усшремляю я все мое вниманіе на произведеніе въ дѣйство моего предпріятія; повѣрьте мнѣ, что на шо и молодому человѣку будетъ довольно много дѣла; а не шолько шакому дряхлому спарику, кошорый извещалъ и изжилъ уже свой вѣкъ, шакъ какъ я, кошораго память часъ опѣ часу увядаетъ, у кошораго приступились всѣ его чувства, и вся сила онаго разума стала шому же самому подвержена. Всему есть время въ нашей жизни, по истиннѣ. Въ моемъ шеперешнемъ состояніи, любезный Маркизъ, потребны шолько однѣ книги, разговоры, покойныя кресла и шеплая горница, а вскорѣ, можетъ быть,

попомъ и могила: вошъ все шутъ, что
оспаеется лишъ для меня, и чего желашъ
мнѣ должно. За шѣмъ прощайте, любез-
ный Маркизъ, пребывайте благополучны
и спокойны; а припомъ не забывайте и
меня также.

Письмо 45^е.

Всѣ мои войски, любезный Маркизъ,
вынесли весьма мужественно все усиліе въ
наступленіи и оборонѣ своихъ непріятель-
ей. Я одинъ даже, бѣдный философъ, при-
емаю шолько же учаспія въ шомъ, сколь-
ко одинъ человекъ прошивъ двадцати
пяши тысячъ. Вы издѣваеесь впрош-
чемъ надъ изнуреніемъ голодомъ Саксон-
цевъ; но подобныхъ симъ людей не можно
иначе обуздать въ оныхъ упрямствѣ,
какъ не совсемъ особыми къ шому сред-
ствами: ибо, чшобъ укротить совершен-
но подобнаго *Лукуллу*, то нѣтъ, по ис-
тиннѣ, лучшаго способа, какъ шолько за-

спавить его попоспѣе нарочитое время. На полученное мною первое письмо Ваше не отвѣчалъ я поному, что былъ тогда, подлинно, за горами и за долами; честнаго же отца Игумена оставилъ я между тѣмъ въ Саксоніи, для того, что не хотѣлось мнѣ запачкать чистыхъ его рукъ Каѳолическою кровію; а Французы пришли въ сущее умоизступленіе, какъ вижу я: по елику никакихъ шакихъ неприличныхъ выраженій, какія приписываютъ они мнѣ, нѣтъ, да и не бывало вовсе. Итакъ, едва ли не лзя шеперь сказать того, что все благосостояніе Франціи зависить токмо отъ Австрійскаго Дома, и что слезы Дофинины несравненно убѣдительнѣе были, нежели весь мой Манифестъ прошивъ Австрійцевъ и Саксонцевъ. Словомъ, Возлюбленный мой, меня самого крушатъ жестоко слѣдствіи потрясенія земной поверхности, кои вскружили крайнѣ всѣ политическія головы въ Европѣ. Между тѣмъ однакожъ, желаю я Вамъ всякаго спокойствія, здоровья и удовольствія. Прощайте.

Письмо 46.

Храня свято мое слово, любезный Маркизь, сообщаю я Вамъ нынѣ совсемъ еще новинькое пріятное извѣстіе, которое получилъ я и самъ лишь теперь только. Нашъ союзникъ, Ханъ, находится уже на пуши со 100000 войска къ Яссамъ; мнѣ же между тѣмъ препровождаетъ онъ 26000 Ташаръ для вспоможенія; а Турки съ своей стороны поспѣшаютъ слома голову въ Адріанополь. Признаюсь Вамъ, что мнѣ удалось наконецъ соединить ихъ и Россіи обоюдную пользу, и вооружить обѣихъ сихъ Державъ силы противъ Австрійскаго Дома. Не легко было то для меня, по истиннѣ; но дабы доведши оба сіи Двора къ совершенному между собою согласію, владычествующему уже нынѣ между ими, то непременно должно было всячески спарася сколько возможно соединить другъ съ другомъ столь разнообразныя пользы: сіе послужитъ настоящимъ возмездіемъ за то са-

мое, что мнѣ содѣлалъ *Кауницъ*; и я упо-
 ваю даже съ помощію сильнаго Провиденія
 восплашеть наконецъ за все то зло мо-
 имъ непріятелямъ, которое они учини-
 ли уже мнѣ, и паки учинить намѣрены.
 Ипакъ, не удивляйтесь, пожалуйста, Вы
 болѣе всему моему бездѣлю, и будьте удо-
 сповѣрены въ томъ, что я въ одинъ мѣ-
 сяцъ сдѣлаю болѣе, нежели могъ тожъ
 самое сдѣлать во всѣ прошедшіе по-
 ходы во время цѣлаго года, сколь скоро
 лишь возмѣстѣ вся моя машина на-
 длежащее ей дѣйствіе. Сіе столь важ-
 ное произшествіе оставитъ конечно па-
 мять потомству по меньшей мѣрѣ на
 цѣлую половину столѣтія о сей упор-
 ной и жестокой войнѣ. Чего ради, утѣ-
 шайте себя, мой Возлюбленный, тѣмъ,
 что Вы впредь будете получать однѣ
 лишь радостныя извѣстіи о нашихъ
 войскахъ; ибо, въ Іюль и въ Августъ не
 преминемъ мы дѣйствительно оказатьъ
 съ своей стороны величайшихъ подви-
 говъ, такъ чтобъ каждый нашъ слѣдъ
 могъ тѣмъ паче приблизить насъ къ

миру и къ благоденствію нашего изнемо-
 женнаго народа. Я начинаю уже льстить
 себя тѣмъ, что найду скоро или цѣ-
 лительнѣйшую мазь для исцѣленія всѣхъ
 нашихъ язвъ, либо цѣлительнѣйшій баль-
 замъ отъ нашего пылаго воспламенѣнія,
 буде Вамъ то угодно лучше. Между тѣмъ
 однакожь прощайше, любезный мой Мар-
 кизъ; повѣрьте мнѣ въ томъ, что не
 всегда можно быть въ состояніи со-
 общать извѣстїи подобной важности.
 Но я удѣляю Вамъ оныя съ удовольстві-
 емъ, по елику увѣренъ я съ лишкомъ
 въ томъ самомъ участїи, кое приемлете
 Вы не только во всемъ, до меня касаю-
 щемся; но и въ самомъ даже благососто-
 яніи той страны, которою предопредѣ-
 лено мнѣ управлять. За тѣмъ, объемя
 Васъ заочно, ласкаюсь я и вправду уже
 видѣть Васъ паки у себя въ Сан-суси.

Письмо 47°.

Я бы желалъ, право, любезный Мар-
кизъ, сообщать Вамъ каждый день
пріятныя извѣстіи; но на сей разъ нѣтъ
у меня ничего инаго, кромѣ того, что
Швеція заключивъ немедленно миръ;
что къ 20 числу надѣюсь я имѣть и о
нашемъ мирѣ съ Россією также совер-
шенное удостовѣреніе; а припомъ, что
около сегожъ времени уповаю я полу-
читьъ равномерно извѣстіе и изъ того
самаго мѣста, гдѣ Вы были вмѣстѣ съ
Господиномъ *Андреселемъ*: такъ какъ
и изъ тѣхъ странъ, коими въ древнія
времена управлялъ *Митридатъ*, увѣдо-
мленъ я нынѣ о такихъ вещахъ, которыя
произвели во мнѣ съ лишкомъ много удо-
вольствія; съ тою только разностию,
что наипріятнѣйшее изъ всего того
дойдетъ до ушей моихъ не прежде, какъ
развѣ по прошествіи мѣсяца. Не смотря
однакожъ на шодикое множесиво благо-
пріятныхъ для меня ушѣхъ, не можете

Вы представились себѣ того, колико обезпокоенъ я съ другихъ сторонъ, ошкудова, истинно, менѣ всего могъ ожидать того. Короче сказашъ, я почишаю уже себя къ тому предопредѣленнымъ отъ самой Вѣчности, дабы и во дни самой дряхлости моей даже могъ испытать я совершенно всю мою твердость въ терпѣннѣи. Ипакъ, Владыко мой, буди воля Твоя! Былъ инъ тому такъ, Маркизъ, я сдѣлаюсь, по этому, терпѣливымъ; да и все шунъ: но я увѣренъ впрощемъ, что по окончаніи щеса вся прибыль останется на моей сторонѣ. *Даунъ* и вся вообще почти военная сила Австрійцевъ купно опрокинувшись здѣсь на меня непремѣнно; и сіе самое надѣлаетъ мнѣ весьма много хлопотъ, такъ что безъ особенной удачи будетъ мнѣ стоить немалого труда довершить эту прескучную войну. Между тѣмъ однакожъ, оставайтесь благополучнымъ, любезный мой Маркизъ, храните ко мнѣ на всегда Вашу дружбу; а о моей къ Вамъ будуще также удостовереннымъ.

Письмо 48^е.

Ваше письмо, любезный Маркизъ, получилъ я безъ означенія въ немъ вовсе числа и мѣста; слѣдовательно, легко можно заключить мнѣ, что оное пожаловало ко мнѣ или изъ Картегенскихъ развалинъ, либо изъ Кохинхинскаго Королевства: естлижъ и заспавляетъ меня нѣчто догадывавшя о томъ, что Вы находитесь теперь въ Провансѣ, по причине тому ничто иное, какъ лишь то, что съ самаго Вашего опселя опѣзда всѣ газеты наполнены различными описаніями о нѣкоемъ чудовищѣ, причиняющемъ въ Провансѣ ужаснѣйшія опустошенія: тѣмъ самымъ никто другой не можетъ быть, кромѣ однихъ токмо Васъ; ибо, во Франціи должны Вы непременно признаны быть или настоящимъ Прусскомъ, или, по меньшей мѣрѣ въ Версалли, сущимъ чудовищемъ; да когдабъ и того не было, то всякъ, увидя Васъ окутаннымъ въ Вашей епанчѣ съ клобу-

комъ на головѣ и съ плашкомъ передъ носомъ, а наипаче шотъ, которъй не приобыкъ еще смотрѣть на образъ подобной сей фигурѣ, сочелъ бы Васъ шѣмъ непременно, пошому что въ такомъ нарядѣ, кажешесь Вы, признаюсь Вамъ, довольно страшными. Судя же по газетамъ, пожираете Вы будшо бы и дѣшей и женщинѣ. Ахъ, какъ Вамъ не стыдно! Не уже ли довели Вы себя нынѣ до столь мерзкой привычки? Сколь долго ни знаю я Васъ, однакожъ никогда не были Вы, помнишся мнѣ, тому причастнымъ; но полно въ пушешествіи перемѣняющся и сплошь у челоуѣка склонности. Положимъ же, что и сей слухъ несправедливъ также вовсе, то все таки остается то на собственной Вашей совѣсти, что Вы содѣлались шеперь изъ совершеннаго Янсениста настоящимъ Езуишомъ, по елику братъ Вашъ Эгвиллъ сущій Езуишъ также, и по елику подарилъ онъ Васъ какимъ то, слышалъ я, изряднымъ помѣстѣицемъ, дабы лишь Васъ соблазнить шѣмъ пуше. Итакъ, надѣ

Вами, Маркизъ, какъ кажется, збывается подлинно сія протонародная въ свѣтѣ пословица: „Съ волками смѣсти научисся и выть по ихнему.“, А что Вы приемлете иногда на себя добровольно разнаго рода болѣзни, тому я охотно вѣрю; только оное дѣлаете Вы для того, чтобъ, скитаясь по дремучимъ лѣсамъ, наводите лишь тѣмъ удобнѣе на цѣлымъ Провинціи чрезмѣрный страхъ. Но не удовольствовавшись еще тѣмъ, что возмутили весь Провансъ, хотите Вы и весь даже Парижъ повергнуть въ крайнее безпокойство. Чтожъ скажетъ тогда мой Братъ, христіаннѣйшій Король Французскій, когда узнаетъ онъ только, что самое сіе чудовище, мой Камербѣргеръ, прибылъ шуда съ тѣмъ единственно, дабы принести своей жадной горшани въ жертву дѣтей Версальской Парки, лѣсовъ Стуарскихъ и рощей около Фонтенебля? И такъ уже цѣлый эскадронъ драгунъ посланъ противъ Васъ въ Провансъ, слышу я; а изъ Парижа назначена шуда же вся Французская Гвардія въ походъ; и съ ка-

кимъ бы искусствомъ Вы, какъ сказывающъ, ни изволили перепрыгивать съ одного сучка на другой, однакожь уповаютъ всѣ безъ изъятія низложитъ уже Васъ изъ ружья. Но положимъ, что и сему Вашему обжорству положили бы Вы конецъ, и стали бы довольствоваться, будучи въ Парижѣ, одною рыбою и мясомъ, такъ какъ всѣ прошчїя честныя люди, обсеяющїя эту часть земной поверхности; то, не смотря на то, не поднимутъ ли тогда снова ужаснѣйшаго крика всѣ издатели общенародныхъ вѣдомостей? Ибо, люди сїи силились утверждать всячески, что Вамъ поручены яко бы дѣла шолікой важности, о коихъ и самъ даже я не знаю вовсе. Ипакъ, едва лишь спознаютъ о Васъ въ Парижѣ, то не преминутъ онѣ всѣми силами распестрить еще болѣе всѣ свои лжи, и чрезъ то самое доставить имъ въ публикѣ всевозможную довѣренность; весь Министерскій факультетъ придетъ тогда въ совершенное движеніе, сколь скоро лишь провѣдаетъ

о Вашемъ шуда прибышїи; лазутчики станутъ повсюду бѣгать рысью; и ложныя заключенїи распростираются шѣмъ еще пуще; всежъ сіе вообще будетъ служишь едиными шокмо плодами всего Вашего пущешествїя. Но что потомъ думаете Вы начать? Весь Вашъ доходъ соспавлять будетъ Рашуша, который, безъ сомнѣнїя, доспавлять Вамъ будетъ исправно. — Захопите ли Вы когда побесѣдовать съ кѣмъ изъ Вашихъ друзей, то во всякое время можете Вы шѣмъ пользоваться слово слово такъ, какъ бы жили Вы въ нѣкоей деревнѣ по близости города, гдѣ всѣ шѣ люди, съ которыми Вы имѣть будете дѣло, не преминутъ посѣщать Васъ всегда. Чего ради, не лучше ли возвращитесь Вамъ, думаю я, паки чрезъ Бриссель назадъ въ Везель; только, Бога ради, удержитесь, пожалуйста, на пуши пожирать малыхъ ребящъ: ибо мясо, право, вездѣ дешево; Вы можете его получать повсюду; а буде сила воображенїя Вашего распалилась споль сильно въ Провансѣ отъ солнечнаго

знаю, что Вы отъ того самого прину-
 ждены напоследокъ и по неволѣ играть
 роль чудовища, то думаю, что Вест-
 фальскій сырой климатъ въ силахъ бу-
 дешъ остудить довольно всю Вашу го-
 лову такъ, что Вы, по обратномъ Ва-
 шемъ возвращеніи, сдѣлаетесь опять
 тѣмъ же самымъ, чѣмъ были Вы и при
 Вашемъ отсюда отъѣздѣ. Итакъ, ожи-
 даю я Васъ, Маркизъ, непременно къ се-
 бѣ въ Сентябрь мѣсяцъ; и тогда еще по-
 чту я ѣзду Вашу чрезчуръ поспѣшною,
 потому что извѣстные свѣту три Ца-
 ря, сколько мнѣ помнится, полагали обы-
 кновенно на четырнадцать дней не бо-
 лѣе тринадцати миль разстоянія. Од-
 нѣмъ словомъ, Вы будете, надѣюсь, при
 семъ случаѣ во всемъ поступать по
 сродному Вамъ благоразумію; и я пре-
 дославляю съ моей стороны, какъ самое
 сіе Ваше намѣреніе, такъ и все прошче,
 до Васъ лишъ касательное, всеильному
 покровительству превѣчнаго Творца.

Письмо 49^е.

Все еще щитаюсь я посреди живыхъ на семъ свѣтѣ, и не запряганъ въ землю, любезный Маркизъ; лихорадка моя оставила уже меня вовсе, и я обрѣшаюсь теперь такъ, какъ и всякій здоровый человѣкъ. Сила воображенія Вашего расписываетъ Вамъ, вижу я, все предбудущее весьма обольщающею кистью; напрошивъ же погю моя, которая гораздо менѣе живѣе и пылчѣе, нежели Ваша, не представляетъ мнѣ ничего инаго, кромѣ единыхъ лишь замѣшательствъ, бѣдствій, препяшствій, опасностей и злоключеній, угрожающихъ меня безпрестанно. Я хотя и получилъ уже извѣстїе о Салемѣ; но полно дѣло сіе не совсемъ еще окончано; меня манятъ все одною шокмо прїяшною надеждою, а мнѣ попребно настоящеешму исполненіе. При всемъ томъ однакожь, жду я къ 10 числу курьера, который привезетъ ко мнѣ, надѣюсь, и помощь и добрыя вѣсти. Чшожь принад-

лежитъ до Россіи, то шамъ идетъ все по желанію; но ошшуда прежде не могу я имѣть достовѣрныхъ о томъ извѣстій, какъ развѣ около шеснагонадесять, или осьмагонадесять числа сего мѣсяца. Ишакъ, пообождемъ того, слѣдственно, любезный мой Маркизъ; возьмемъ еще нѣсколько шерпѣнїя: ибо, все сіе вообще составляетъ для меня насшоящую школу, въ кошорой померкла уже и безъ того давно вся моя живность. Я влачу лишъ шолько безъ всякой пользы, попусшому, шакъ сказаъ, жизнь; пошому чшо масло въ моей лампадѣ згорѣло уже все почши безъ ошашка и со свѣшильною купно; къ великому шасшїю развѣ послѣдуетъ шо, когда могу я еще содѣлашя подобнымъ Карпузіянцу. Ештлижъ и сосшоялсябъ, положимъ, миръ нынѣ, шо вошъ къ чему могли бы Вы упошребить меня надежно: или расширашъ для Вашей Маркизы краски, либо списывашъ всякія ноты для ея скрипицы. Въ разсужденїи чего, успокойтесь Вы лучше, Возлюбленный мой; не пекишесь, по-

жалуйте, нимало о моемъ здоровье болѣе,
и увѣдомляйте меня о всемъ возможномъ,
а наипаче о всемъ ученомъ, и за тѣмъ
прощайте, Дорогой мой, я цѣлую Васъ.

Письмо 50^е.

Теперь по могу я справедливо на-
звать сіе письмо настоящею грамотою,
потому что оно доставляетъ мнѣ наиу-
добнѣйшій случай съ моей спороны Вамъ
оповѣстствовать; наипачежъ благодарю я
за по болѣзненнымъ припадкамъ Вашихъ
членовъ, кои споспѣшествовали къ тому
немало. Не видите ли Вы теперь того
ясно, что вся надежда къ миру исчезла
уже нынѣ вовсе; не видите ли, говорю,
что непріятели мои чиняшъ наивеличай-
шія пріуготовленіи къ продолженію вой-
ны; такъ что въ теченіи трехъ недѣль
времени буду я непременно имѣть около
двухъ сотъ двадцати тысячъ человекъ
у себя на шеѣ: яжъ, напротивъ того,

имѣю у себя не болѣе половины предѣ-
 шѣмъ; слѣдовашельно, весьма непрудно
 поняшь по каждому, что мнѣ слѣдуетъ
 неминуемо пашь въ самомъ шомъ мѣ-
 стѣ, гдѣ буду наислабѣе лишъ я, и гдѣ
 не въ силахъ я прошивопоставить ни-
 чего равной силѣ множества, угнѣшаю-
 щаго меня сильно. Ишакъ, единое шокмо
 средешво оштается еще мнѣ, да и шо
 весьма ненадежно; естли же и оно
 исчезнетъ, шо тогда долженъ я буду
 взирать на шо лишъ единственнo, что
 предшавашъ моему взору обшоятель-
 ства, и что позволишъ шолько мнѣ обы-
 ковенный образъ сужденія заключаъ
 справедливо. Каждый день чувствую я
 по три и по чешыре раза вскружающе-
 ся тогда исправно всю мою голову, ког-
 да силюсь изобрѣшашъ себѣ вспомоше-
 ствующія къ тому средшва, и не могу
 доспигнуть къ моему въ чемъ либо на-
 мѣренію. Французыжъ, какъ кажется
 мнѣ, обворожены нынѣ совершенно: ибо,
 съ оными не лъзя никакъ и начашъ ничего;

Часть IX. I

судя, о ихъ малодушномъ и дурномъ по-
 сшукѣ, недоспойномъ вовсе того обра-
 за, копорый всякая сильная Монархія
 принимаѣтъ на себя должна, не могу я
 ничего обѣщаѣтъ Вамъ добраго. Между
 шѣмъ, Аглинскія Флотиліи выступяѣтъ
 уже скоро въ море; Мариники, Моншь-
 Реаль и Пондишери еушъ истинныя
 предмѣлы всѣхъ оныхъ ополченій; и
 Французы испытаяѣтъ шо конечно, ко-
 лико причиняюшъ имъ вреда***, кои
 управляюшъ у нихъ всемъ Государствен-
 нымъ кормиломъ. Сверхъ сего, препро-
 вождаю я при семъ къ Вамъ содержаніе
 того письмаща къ *Полпадурѣ*, копорое
 писалъ я къ ней еще прошедшаго года,
 и кое привело ее совсемъ внѣ себя.

Что принадлежитъ до самой наруж-
 ной часпи Вашего члена, любезный Другъ,
 шо оная находится не нашушку въ край-
 ней опасности, и я ничушъ не ручаюсь
 уже Вамъ болѣе за ея цѣлость; понеже,
 истинно, не бывали никогда ни я, ни все
 вообще мое Государство въ толикой опа-
 сности, какъ при нынѣшнихъ общоя-

пелъствахъ ; ктомуужь , знаете Вы уже довольно, надѣюсь, весь образъ моихъ мыслей, и изъ шого легко посудишь можешъ, пожелаю ли я оспашся спокойнымъ, и спану ли сносишь терпѣливо всѣ безчестїи и обезславливающїе честь пошупки, коимъ спалъ бы я подверженъ со стороны моихъ злодѣевъ. Впрощемъ, собранїе разныхъ живописныхъ картинъ разсмащривалъ уже я, и препроводилъ шѣмъ самымъ нѣсколько времени: однакожь, для приведенїя всего шого къ надлежащему совершенству, пошребны еще непременно къ шому искусный *Корреджіо*, знаменишый *Іюлій Романъ* и изящный *Ишалїанскїй Горданъ*. Не куда и до чего не спремашся нынѣ разсѣянныя мои мысли! Спашся можешъ, что какое ниесшь новое уже злополучїе гошово немедлѣнно пошстигнушь меня паки; а я разсуждаю все еще о картинахъ и о живописи. По истиннѣ сказашь, Маркизъ, вѣ нынѣшнїя времена не могушь и самыя даже наипрїяшнѣйшїя вѣ свѣтѣ ведши плѣнишь человѣка; все вообщѣ пребываетъ

въ толикомъ уравнии, что никакія здравыя понятіи не въ силахъ бы были дѣйствовать, естлибъ не распространялъ временемъ нѣкій благопріятный случай проникательнаго лучезарнаго сіянія, освѣщающаго всю тьму, въ коной бродимъ мы всѣ совокупно. О успѣхѣ Вашей тщательной работы не пекишесь Вы, пожалуйста, нимало; она заключаетъ въ себѣ дѣйствительно заимствованное изъ *Аристотеля* справедливѣйшее утвержденіе, гласящее тако: „СОМНѢНІЕ ЕСТЬ ПЕРВЫЙ ШАГЪ КЪ ПРЕМУДРОСТИ.“ Я уповаю достоверно, что и самимъ Вамъ понравится она послѣ; чрезъ двѣ недѣли будетъ твореніе сіе совсемъ готово, думаю, и томъ же самый часъ препровождено къ Вамъ немедленно.

Между тѣмъ прощайте, любезный мой Маркизъ; но не забудьте, пожалуйста, по Христіянскому долгу, заставить поминать мою душу, когда придетъ къ тому время: ибо заподлинно увѣренъ я въ томъ, что не ускользнетъ она отъ чистилица въ будущей жизни.

Письмо 51^е.

Ваше письмо, любезный мой Маркизъ, заспало меня наки въ пресильномъ ознобъ; это ничто иное, какъ только одна лишъ ошрыжка прилипчивой лихорадки, ошъ чего многія люди спраждутъ здѣсь въ городъ, и что *Каттъ* обстоятельно описашъ Вамъ можешъ. Впрочемъ, оба Ваши увѣдомленіи изъ престольнаго града Парижа ознаменованы весьма явственнымъ впечатлѣніемъ легковѣрія, подлиннаго божества сея спраны. Между тѣмъ однакожъ, не вѣрю я тому, чтобъ Госпожа *Ремонша* разрѣшеніемъ своимъ въ Версалліи ошъ бремени оштерла яко бы совсемъ *Помладуришу* прочъ ошъ Двора, пошому что Король Французскій сдѣлалъ уже привычку, знаю я, обыкновенно придерживашся старыхъ своихъ знакомищъ, и возложилъ уже всю свою довѣренность на самую сію женщину, которая управляетъ всемъ его Государствомъ, семъ, или безъ мало восемъ лѣшъ, къ совершенному она-

го удовольствію; да естѣлибѣ сію негоди-
 ницу и прогнали, положимъ, отъ Двора
 вовсе, то не щипайнѣ, пожалуйнѣ, чѣтобъ
 я могъ отъ того много выиграть. Ибо,
 въ предѣлахъ оной страны возстала,
 слышу я, сильная Саксонская паршія,
 которая ни чѣмъ не менѣе также про-
 тивною мнѣ будетъ. Но прилично ли
 полно то, подлинно, для просвѣщен-
 наго Двора, чѣтобъ производишь по всей
 формѣ судъ надъ безпутными шалунами,
 кои, по единому своему невѣжесіюу,
 били нѣкоторому сѣишку изъ трагедіи
 Танкреда въ ладоши, и потомъ осуж-
 дають оныхъ, яко нѣкіихъ Государст-
 венныхъ пресшупниковъ! По истиннѣ,
 какъ это, такъ и все вообще опредѣле-
 ніе Суда и Парламенша купно въ поль-
 зу Езуищовъ и прошивъ ихъ, досшойно
 каждого крайняго сожалѣнія. Однакожъ,
 голова моя, любезный Маркизь, сполю
 дурна, что я, право, не въ силахъ бо-
 лѣе разсуждають шеперь о томъ съ
 Вами; а скажу лишъ Вамъ на сей разъ
 то, что Императоръ Россійскій дѣй-

спивисельно наипревосходнѣйшій мужъ, кошорому долженъ я непременно воздвигнуть въ честь жершвенникъ. Но между тѣмъ, прощайте, любезный мой Маркизь. Едва, едва не свалюсь я уже съ ногъ.

Письмо 52.

Изъ Вашего письма, отъ 16 числа пущеннаго, усмашриваю я ясно, любезный Маркизь, что Вы спали уже нынѣ судить о положеніи моихъ дѣлъ довольно справедливо. Вы поспигли все, истинно, прекрасно, и видите слѣдственно, что почишаемый Вами Дацкаго Двора Министръ совершенный глупецъ. Мы имѣемъ шеперь у себя одного Россіянина, того самого, кошорый бхаль чрезъ Берлинъ нарочнымъ куріеромъ, и коимъ я, право, крайнѣ доволенъ; такъ что, судя по всему, ештли не всѣ шокмо вообще правила человѣческаго благополу-

мїя суть какїя либо нелѣпости, то не-
 премѣнно долженъ окончанъ бытъ миръ
 съ Россїею и со Швеціею еще до от-
 крытія наступающаго похода; но со-
 ображаясь съ прошчими обстоятельствомъ,
 не прежде однакожъ уповаю я имѣть
 о томъ достовѣрныя извѣстіи, какъ
 развѣ въ началъ будущаго мѣсяца. Под-
 линно, заслуживаемъ мы не по напрас-
 ну сїи прїятныя для насъ вѣсти, буде
 представимъ лишь себѣ то, сколь го-
 рестно и сколь мучительно должны мы
 были жить цѣлыя шесть лѣтъ сряду?
 Всякая язва требуетъ пластыря, ко-
 торый необходимо нуженъ и полезенъ для
 оной, повѣрьте мнѣ въ томъ, Маркизъ.
 Не непріятно мнѣ, право, что исцѣлилъ
 я и Васъ нынѣ также, какъ вижу; въ по-
 лииничномъ образѣ слѣдуетъ почестся
 сїе, дѣйствительно, изъ всего наилуч-
 шимъ, что я ни учинилъ шокмо во всей
 моей жизни. Инакъ, желаю я искренно,
 чшобъ самое сїе письмо послужило Вамъ
 новымъ подкрѣпительнымъ средствомъ,
 и успокоило бы Васъ совершенно.

Между тѣмъ, пришло мнѣ на умъ выдумашь сказочку, кошорую посылаю я къ Вамъ теперь нарочно для прѣяшнаго препровожденія времени; а за нею послѣдуетъ скоро и другая шакая же: ибо, писать нѣчто по важнѣе не позволяють мнѣ безпокойныя мои мысли; а попому то и упражняюсь я нынѣ въ подобныхъ сему бездѣлицахъ. Ахъ, любезный мой Маркизъ! Избавлюсь ли я когда отъ сей несносной для меня болѣе галеры? Повѣрьте мнѣ, что никто здѣсь въ нынѣшнемъ свѣтѣ не сыграетъ глупѣе роля полищичнаго кормчаго и въ любовныхъ дѣлахъ героя. *Еликуръ* судиль, подлинно, справедливо; онаго мнимый мудрецъ не дерзалъ никакъ мѣшаться ни въ какія Государственныя дѣла: да и мы бы сдѣлали несравненно лучше, можешъ быть, когдабъ избирали всѣ наши должности въ свѣтѣ сами собою; но полно все вообще зависипъ отъ единой лишъ участи; оная куда бы и къ чему бы ни назначила кого изъ насъ, то тошъ тамъ и бышъ уже долженъ. Впрошчемъ, увѣдомъ-

те меня, пожалуйте, радуются, или плачущъ нынѣ Берлинскіе Граждане; о мнѣ же между тѣмъ будыте увѣрены, что я пребываю все въ одинакомъ положеніи, наипачежъ въ разсужденіи Васъ; и за тѣмъ прощайте.

Письмо 53^е.

Ко мнѣ прислали всѣ мои дурачества уже напечатанными, такъ точно, какъ продающъ ихъ во Франціи. Признаюсь Вамъ, что я нашель въ описаніи оныхъ съ лишкомъ много такого, что нимало не сообразуесть съ правилами благонравія. Итакъ, есколько лишъ могъ я, передѣлалъ я ихъ всѣ безъ извѣстія, и посылаю оныя теперъ же къ книгопродавцу *Неольму* съ переправленнымъ приномъ мною экземпляромъ, дабы ихъ напечатать. Малинькому *Бособру* прошу отъ меня сказать, чтообъ онъ приложилъ свое спараніе о всевозможной исправно-

сти сего изданія, пошому что, сверхъ
этого числа, надобно будетъ еще снова
печатать оное. Безъ всякаго сомнѣнія
можете Вы быть увѣрены въ томъ,
что швореніе сіе напечатано изъ еди-
ной шокмо злобы, дабы возмушить про-
шивъ меня, можете быть, Короля Аг-
линскаго, или Россію паки; а пошому то
и необходимо нужно, чтобъ послѣднее сіе
изданіе вышло нынѣ въ свѣтъ и тѣмъ са-
мымъ опорочило бы совсѣмъ первое. По
елику нещасливъ и довольно старъ уже
я, пошому самому и стараюсь всячески
вредишь мнѣ, любезный мой Маркизъ;
такъ что одинъ лишь Богъ вѣдаетъ
то, что со мною послѣдуетъ во время
сего года. Я спрашусь, правду сказать,
того, чтобъ не уподобился мнѣ наконецъ
чрезъ мои пророчества злощасливой *Кас-
сандръ*. Но какъ можно ожидать чего ли-
бо добраго отъ опчаяннаго положенія, въ
которомъ обрѣшаюсь я нынѣ, и кое часъ
отъ часу становится все хуже? Наипа-
чежъ севодни разстроены я столь силь-
но, что не въ силахъ и писать даже къ

Вамъ болѣе. Ипакъ, прощайте, любезный Маркизъ, желаю Вамъ быть здоровымъ.

NB: Завтрашній день думаю я препроводить отъ себя помянутую здѣсь книгу: Нелѣзъ долженъ поспорошить лишь работою оной.

Письмо 54^е.

Вы заботитесь, любезный мой Маркизъ, по пустому лишь; со стороны Россіи нечего намъ страшиться болѣе; всѣ оной войски возвращаются уже назадъ въ Москву. Чтожъ принадлежишь до сей поспѣшной перемѣны, то опасался я того не безъ основанія всегда, по истиннѣ. Не рѣдко совѣтовалъ было я о томъ сему Государю, чтобъ оный принималъ во всемъ надлежащія мѣры; но надежда и безопасіе его были чрезчуръ уже велики, такъ что скучалъ онъ даже и слушать, когда напоминали ему бывало

о какой либо предосторожности. Въ
 разсужденіи Берлина, любезный мой
 Маркизь, можете Вы совершенно быть
 спокойны; но ничуть не обо мнѣ одна-
 кожь: ибо, глазамъ моимъ предстоитъ
 еще сколько шрудная, сполько и опа-
 сная работа, которую непременно на-
 добно окончатъ. Ишакъ, испросите, по-
 жалуйте, у щаспїя мнѣ желаемого успѣ-
 ха въ томъ; по елику все свершается
 чрезъ помощь онаго, безъ тогожь, напро-
 тивъ того, ничто не бываетъ. Впрош-
 чемъ, я совершенно согласенъ съ Вашимъ
 мнѣніемъ о томъ самомъ, что принадле-
 житъ до суешности всѣхъ въ свѣтѣ ве-
 щей и человѣческой злости; маперїя сія
 составляла всегдашнїе мои разговоры съ
 Вами: отъ того по самого чувствую я
 по справедливости нѣкое отвращенїе ко
 всему свѣшу, и потому по самому торю
 я безпреспаннымъ желанїемъ какъ можно
 скорѣе окончить сію нещаспную войну,
 дабы шѣмъ прїятнѣе прекрашитъ дни
 моей жизни въ мирѣ и тишинѣ. Вы ви-
 дите, слѣдственно, довольно ясно все

непостоянство разныхъ человѣческихъ
 намѣреній. Бывшее въ Россіи смяшеніе
 кажется Вамъ несравненно ужаснѣе, неже-
 ли всѣ другія произшествія, въ коихъ я
 самъ Вамъ могу быть очевиднымъ свидѣ-
 телемъ: но повѣрьте мнѣ въ томъ, что
 не смотря на все, во время всѣхъ сихъ
 семи походовъ не видалъ ничего иного,
 кромѣ единой лишъ суешной надежды и
 ничуть невоображаемыхъ бѣдспвій; сло-
 вомъ, кромѣ всего того, что шокмо ошъ
 страннаго произвола и своенравія слу-
 чая произойти можешъ. Знайте, любез-
 ный мой Маркизъ, что есшлы перешелъ
 уже кто за пятьдесятъ лѣтъ свой воз-
 растъ, и буде удалось оному испытать
 все на самомъ дѣлѣ, тому, право, про-
 еспишельно не желать болѣе быть игру-
 шкою щастія и отрешись уже сво-
 бодно ошъ всякаго честолюбія, всѣхъ
 вообще дурачествъ, кои молодого чело-
 вѣка безъ опыта обманываютъ съ лиш-
 комъ часно, и всякихъ предразсужденій,
 подражаемыхъ въ большемъ свѣтѣ и пре-
 дославляемыхъ въ томъ же самомъ видѣ

попомощву. Въ заключеніежѢ сего письма, прощайте, любезный МаркизѢ; будьте здоровы и веселы.

Окончаніе сихъ писемъ послѣдуетъ
въ Х. й Части.

Конецъ десятой Части.

ПОСЛАНИЕ КЪ СЛАВНОМУ
МА. АПОСТОЛУ, АРХИЕПИСКОПУ МАДАРИИ, ОУД-
НЕ АПОСТОЛА И СЕВЕРНОГО

Орденъ и Св. Синода
и К. С. П. С. С. С.

Копия